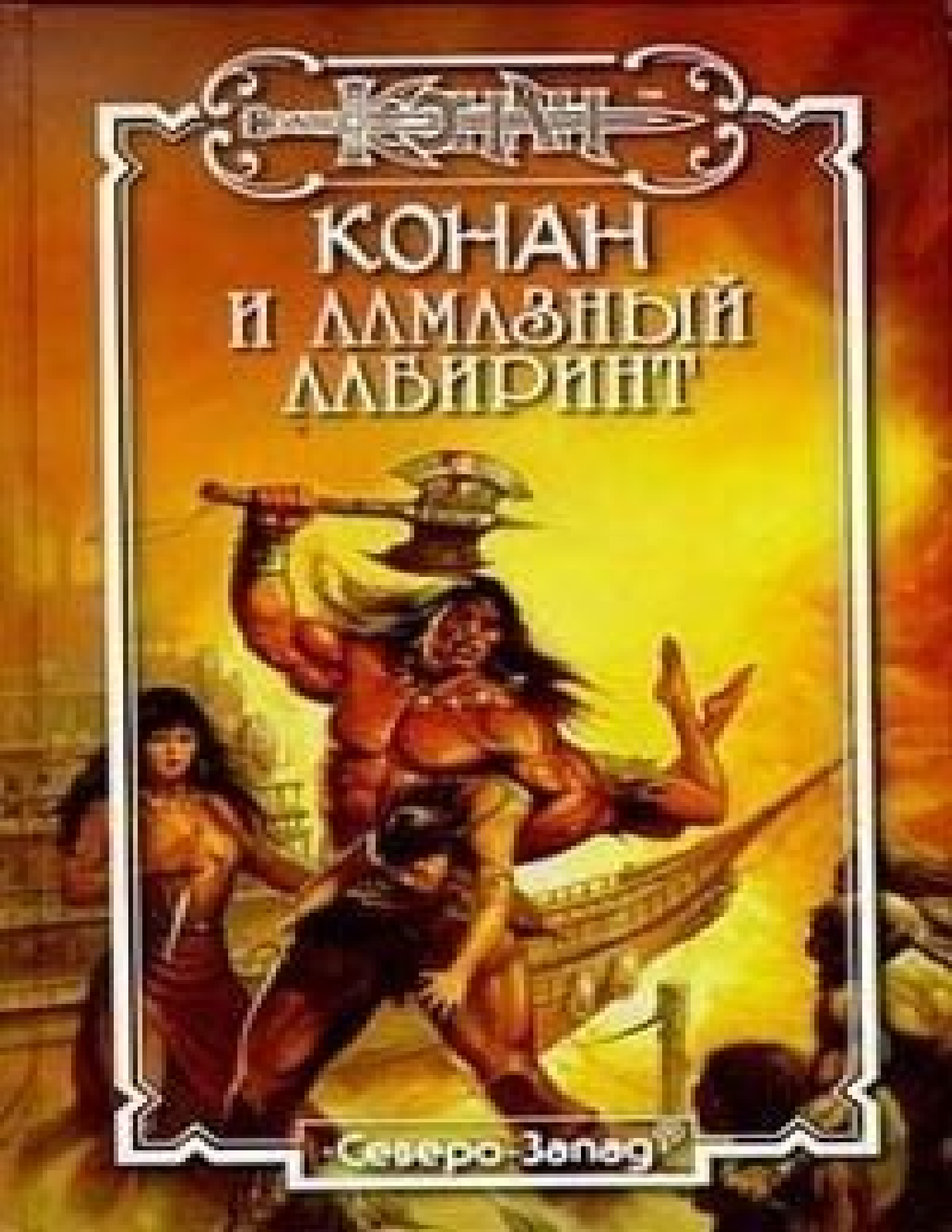
КОНАН
КОНАН
И АЛМАЗНЫЙ
ЛАБИРИНТ
Северо-Запад

Annotation

Сотник следопытов, на границе Авилонии и Пиктской Пущи, Конан преследует оборотня, нападающего на людей…

- Андре Олдмен
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая

Андре Олдмен

Западня

(Конан — 31)

Глава первая

— Ба, да никак это Пленси Скурато по прозвищу Гриб! Можешь не прикрывать свою гнусную рожу капюшоном, старый греховодник, я узнал тебя по бородавке на кончике носа!

— И я признал тебя, Гарчибальд Беспалый, хоть ты и воротишь морду и кутаешься в плащ. Плащ у тебя, надо признать, отличный: ты, видать, специально разводил в нем моль, дабы устроить настоящее кружево из дырок!

— А что это у тебя под накидкой, старина Пленси, столь похожее на горб старца? Неужто тебя так скрутило во цвете лет?

— Вижу, и ты едешь не пустым в форт Либидум, Гарчибальд. Что это за штука приторочена к твоему седлу? Сдается мне, то копье, и древко его из осины, а наконечник серебряный…

— Глазастый ты, Гриб, ничего не скажешь. Я специально вымазал копье сажей, но от тебя ничего не скроешь. Молодец. Но и я малый не промах, хочешь, расскажу, что ты несешь на спине?

— Стоит ли, друг мой? Ну, мало ли чего таскает в котомке усталый путник: одежку, пресные лепешки, кусок сушеного мяса…

— Мясо зайца, хитроумнейший Скурато, и не просто мясо, а лапки, отрезанные горбуном у сего несчастного зверька в ночь полнолуния на погосте! Надеюсь, ты не забыл, что заяц должен был лишиться жизни не иначе как при полной луне и с помощью шнура, скреплявшего косу девственницы?

— Желательно рыжей девственницы, Беспалый. А позволь осведомиться, что за дивный запах, от которого зажал бы нос и последний нищий в трущобах Тарантии, щекочет мне ноздри? Уж не твой ли воротник из шкурок бродячих котов, надетый поверх кольчужной рубашки, издает столь сильное благоухание? С этим ты, пожалуй, переборщил: достаточно было бы пары хвостов, приколотых к навершью шлема.

— Кто знает, дорогой Гриб, что достаточно, а что нет в нашем деле. Ты ведь тоже не ограничился заячьими лапками, слишком велика торба под твоим плащом. Что там еще? Кольца Иштар? Корень мандрагоры, вырытый под виселицей, в том месте, куда упало семя повешенного? Порошок Черного Лотоса пополам с истолченной перечной лианой? Я угадал?

— Частично, друг мой. Подозреваю, и я не ведаю всех твоих секретов.

— Во всяком случае, Гриб, нет тайны, ради чего мы оба прибыли в Либидум. Не станем делать вид, что привели нас сюда дела слишком различные, — мы не юнцы, и честолюбие не заменяет нам осторожности. Будем держаться вместе, или ты предпочитаешь метнуть ножи?

— Никогда не против сыграть в эту игру, старина, но только не с тобой и не сейчас. Ты прав, лишь юноши, не обремененные знанием жизни, хватаются за рукоять хассака при каждом удобном и неудобном случае. Уж коли судьба свела нас при въезде в удел старика Партера, останемся друзьями. Во всяком случае, до тех пор, пока нам обоим это выгодно.

Сей разговор, могущий склонить любого постороннего слушателя, ежели бы таковой оказался поблизости, к мысли, что беседующие являются, по крайней мере, записными чернокнижниками, происходил на пыльной дороге, ведущей к дубовым воротам форта Либидум, укрепленного городка, стоявшего на берегу реки Боевого Скакуна посреди земель, именующихся Боссонскими Топями.

Боссонские Топи, отделявшие величайшую державу Хайбории Аквилонию от диких и

мрачных Пустошей Пиктов, населенных дикарями, некогда, как утверждали иные грамотеи, явились причиной раздора между богами, так и не сумевшими договориться между собой: благословить или проклясть сей край, где среди малярийных болот и многочисленных ручьев лежали участки плодороднейших черноземов, способных прокормить самого ленивого хлебопашца. Собственно, лень и спокойное благоденствие подданных, вызванные усилением военного сословия аквилонцев, способного защитить свои уделы от набегов свирепых, но менее организованных племен киммерийцев, а также дикарей Пограничного Королевства, именуемого так скорее ради удобства произношения, нежели в силу истинного положения дел, равно как и от войск немедийцев, народа воинственного, но раздираемого междоусобицами, заставили некогда короля Хагена обратить свои взоры на закат, туда, где лежали пределы пиктов, потомков древних переселенцев из-за моря, столь невежественных, что предпочитали они до сих пор каменное оружие железному. Закованные в броню рыцари Аквилонии с огнем и мечом прошли от границ своей державы до реки Черной, уничтожая пиктов именем Митры, вырезая целые деревни, сажая мужчин на колья и насилуя женщин. На берегу реки Громовой был возведен форт Велитриум, ставший столицей нового края.

Пикты ответили отчаянным сопротивлением, применяя против аквилонцев столь же жестокие и коварные методы ведения войны, как и сами завоеватели. К счастью для хайборийцев, дикари были разделены на множество племен, неспособных объединиться в единую силу. Это помогло Аквилонии постепенно очистить свою западную границу от пиктских племен и обжить эти дикие местности.

Король Хаген разделил новые территории на четыре части: Конаджохару, Орисконти, Конавагу и Чохиру — и назначил правителем каждой своего доверенного вассала. Эти нобили были обязаны предоставлять земельные наделы на вверенных им территориях каждому, кто имел силы и Желание удержать их и дать отпор набегам пиктов. В Боссонские Топи потянулись различного рода авантюристы, беглые каторжники и просто люд, уставший от притеснений, чинимых в цивилизованных землях феодалами, полагавшими всякое свое действие угодным богам и даже не трудившимися ставить свечу за невинно убиенные души своих ленников и вилланов. Постепенно в новых провинциях, называемых отныне Свободными Землями, поселились люди отчаянные, презирающие всяческие законы, кроме закона собственной силы, и не ставящие ни в грош ни пиктов, ни эмиссаров центральной власти, наезжавших время от времени из стольной Тарантии, дабы объявить о восшествии на престол очередного самодержца.

Впрочем, королей Аквилонии долгое время устраивало подобное положение вещей. Во-первых, земли державы избавлялись естественным образом от лихих людей, предпочитавших вольницу Свободных Земель строгостям судейских чиновников, во-вторых, сии отчаянные головы создали надежный барьер на пути проникновения дикарей в более цивилизованные края. Эту политику проводили и наследники Хагена, вплоть до короля Нумедидеса, владевшего Аквилонией ко времени описываемых событий.

Однако пикты не были столь слабы, как рисовали дикарей придворные стратеги. Вскоре произошло восстание, которое возглавил пиктский колдун Зогар Саг, после того как был захвачен и оскорблен аквилонскими пограничными отрядами. Он сумел привлечь на свою сторону вождей нескольких кланов около Конаджохары, которые объединили свои силы, чтобы напасть на аквилонцев. Зогар Саг сумел отравить несколько колодцев в форте Тусцелан и повел пиктских воинов на штурм укрепления. За одну ночь форт Тусцелан и вся Конаджохара были потеряны. Из семисот пятидесяти человек, составляющих гарнизон

Тусцелана, в живых остался только один…

После падения Конаджохары многие поселенцы бежали в Орисконти или Чохиру, но другие основали новые поселения близ форта Тхандара на реке Боевого Скакуна, южнее Чохиры. Эти обнесенные крепкими деревянными стенами городки, среди которых был и Либидум, впоследствии выросли в собственную провинцию Тхандара, во главе с избранным губернатором, и только номинально входили в состав Аквилонии.

Король Нумедидес, занятый делами более важными, почти не обратил внимания на вновь созданную провинцию. Он не стал посылать туда отряды и одобрил кандидатуру губернатора Бранта, сына Дрого. Тхандарцы образовали собственную армию, состоявшую из прославленных боссонских лучников и отрядов сорвиголов, именуемых следопытами, построили укрепления и сумели успешно отразить набеги дикарей без помощи Аквилонии. Каждый форт обзаводился своими гарнизонами, во главе которых стояли избранные начальники, именуемые тарифами. Они совмещали военную и судейскую власть и пользовались беспрекословным авторитетом — до тех пор, пока жители их терпели и не выбирали нового голову. Форт Либидум в те времена процветал под рукой тарифа Партера, старого рубаки, снискавшего славу еще во времена первых вылазок за Громовую реку.

Двое беседовавших на пыльной дороге принадлежали к славному племени людей, именующих себя следопытами. Были то люди вольные, веселые и опасные. В Аквилонии многих из них ждала виселица, здесь же они ходили в героях.

Небольшими отрядами, а то и в одиночку проникали эти отчаянные головы за Черную реку, в гиблые места, безраздельно принадлежавшие дикарям, чтобы свершить месть, провести разведку, а то и просто поживиться в пиктских селениях: от Гандерланда до Пуантена за экзотические безделушки, добытые зачастую ценой жизни целых селений, платили хорошие деньги. Несколько севернее жили пиктские племена, умевшие варить чудный вересковый мед, тоже бывший целью набегов. Секрет напитка хранился дикарями пуще жизни, недаром и поговорка имеется: «Молчит, как пикт о вересковом меде».

А ежели ты ходишь в гиблые земли, так умей не только от стрел и каменных топоров обороняться. Шаманы и друиды пиктские, даром что грязные да нечесаные, волшбой владеют изрядно, а потому набор оберегов и магических предметов для любого следопыта — дело обязательное.

Но на сей раз вовсе не предстоящая вылазка в Пустоши привела Пленси Скурато и Гарчибальда Беспалого к воротам Либидума, и предметы, перечисляемые обоими в пику друг дружке, были весьма необычными.

Гарчибальд Беспалый был мужчина статный, горбоносый и смуглый — родом из Пуантена. Он восседал на крепкой лошади и посматривал на собеседника свысока, чему способствовали остатки сословной гордости: Гарчибальд некогда принадлежал к не слишком знатному, но все же баронскому роду. Пленси, напротив, был тощ, белобрыс и вертляв. Где он родился, не знал никто, включая самого Гриба. В Либидум он прибыл пешком. И все же ни тени подобострастия не было в облике худосочного следопыта: в Боссонских Топях зачастую не сила важна, а хитрость и опыт. Опыта Скурато было не занимать, и Беспалый о том прекрасно ведал.

— Предлагаю отправиться в таверну «Волчий зуб» и обсудить все за чаркой доброго вина, — предложил пуантенец. — Один, как говорится, в поле не воин, а двое…

— Трое, — сказал Пленси, указывая на дорогу.

Гарчибальд обернулся и увидел всадника, неторопливо к ним подъезжавшего.

Всадник сей привлекал внимание с первого взгляда. Был он рыж, огромен и обликом своим подобен глиняному истукану, только что вынутому из печи для обжига. В руках он держал длиннющее копье, украшенное вместо вымпела плохо выделанной шкурой какого-то животного, за спиной висел огромный круглый щит, а к седлу были приторочены булава и тяжелый арбалет, из тех, которые устанавливают на специальные треножники, чтобы посылать стрелы в защитников крепостей.

— Да никак это Гуго Пудолапый, — удивленно молвил пуантенец, приставив ладонь козырьком к глазам: всадник ехал со стороны заходящего солнца.

Гуго двигался на них, как осадная машина на крепостную стену.

Завидев стоявших посреди дороги, он что-то глухо прорычал и положил поросшую рыжим волосом лапу на рукоять огромного двуручного меча, бившего по задним ногам его лошади.

— Тот самый Гуго, — ухмыльнулся Пленси, — который как-то в одиночку одолел две дюжины пиктов. Говорят, дикари не смогли стащить его с лошади и от позора вскрыли себе животы.

— А еще говорят… — начал было Беспалый, но тут рыжий великан привстал в стременах, разинул пасть и гаркнул:

— С дороги, канальи!

Гарчибальд и Скурато переглянулись. Подобный вызов Свободных Землях значил только одно: немедленный поединок на метательных ножах. Правда, Гуго не признавал местных традиций: всякому оружию он предпочитал свой двуручный Трипамадор, которым был способен сокрушить дубовую рощу.

— Я как раз хотел заметить, что, по слухам, наш Пудолапый не отличается хорошим зрением, — быстро проговорил пуантенец.

— А у нас есть дело поважней, чем дорожная драка, — так же торопливо молвил Пленси.

Он шагнул на обочину, Гарчибальд осадил коня на другую, и рыжий верзила проследовал мимо, гордый, как перезрелая девица накануне свадьбы, и величественный, как Железная Башня стольной "Гарантии. — Ты заметил? — спросил пуантенец, когда лучи закатного солнца заполыхали на медной оковке щита за спиной Гуго. — У него на шее связка чеснока.

— Да, — кивнул задумчиво Пленси. — И разит от него так, словно наш Пудолапый поглотил всю чесночную колбасу во всех тавернах Свободных Земель.

Глава вторая

Катль на тауранском наречии значит «кот». Провинция Тауран граничит с Боссонскими Топями, и немало тамошних словечек перекочевало в жаргон боссонцев. Хотя боссонцы и презирают своих соседей и называют их «бычеглазой деревенщиной, не знающей леса». Презирают, потому что тауранцы, бывшие некогда форпостом Аквилонии на западе, теперь остались в тылу Свободных Земель, хотя и продолжают считать себя защитниками величайшей державы хайборийского мира.

Катль значит также «кошачий коготь», а боссонцы именуют этим словом метательный нож, столь популярный в Свободных Землях. Пожалуй, более популярный, чем тяжелый лук, коим в совершенстве владеет каждый здешний воин. Но воины живут на довольствии, а нож — принадлежность всякого свободного человека, и от того, как ты им владеешь, зависит и твой кусок пирога, и сама жизнь.

Посему прозвище «Катль» за просто так не дается. Надобно его заслужить, а Бэда его заслужил и готов был отстаивать, пока рука не ослабеет.

Бэда был человеком от природы незлобивым и любил улыбаться. Во всяком случае, в прежние времена. Улыбался он по-простецки, растягивая толстые губы, а крепкие щеки, гладкие и упругие, розовели при сем, как у младенца.

Теперь его здоровая физиономия несколько подвыцвела, кожа приобрела сероватый оттенок, а густые брови чернели, словно нарисованные сажей, и под ними время от времени вспыхивали холодной сталью серые глаза — так блещет клинок кинжала, неосторожно приоткрытый темной полой плаща… И когда он, стоя возле ограды дома тарифа Партера, чему-то недобро улыбался, легко было понять, почему форт Либидум, да и, пожалуй, вся Тхандара, с некоторых пор боится этой улыбки куда больше, чем хмурого, исподлобья взгляда Бэды Катля.

Крупные звезды усыпали небо, и в окнах бревенчатых домов Либидума зажглись огни, когда Катль, уставший от длительного ожидания, потянулся, как кошка, собирающаяся на ночную охоту, и как кошка выпускает когти из мягких замшевых подушечек на лапах, так Бэда вытащил из-за левого плеча тяжелый нож-хассак с наборной ручкой, ласково взвесил его на длинных пальцах и любовно упрятал обратно в ножны.

Проделав это, он легко преодолел невысокий забор, отделявший двор шарифа от улицы, и быстро зашагал к дому. Заглянув в окна и удостоверившись, что Партер отсутствует, жена и слуги хлопочут на кухне, а сторож, коему надлежит бродить в ограде с колотушкой, мертвецки пьян, Бэда обогнул дом и через веранду легко проник внутрь. Он неплохо знал расположение комнат и легко отыскал помещение, служившее шарифу кабинетом. Поставив удобный стул в дальнем углу, Катль уселся, скрестил на груди руки, уперся затылком в стену и закрыл глаза. Он отлично знал, что, если в ночной темноте опустить веки, все чувства начинают работать более изощренно. Первая часть плана прошла гладко, теперь следовало немного подождать и поразмыслить.

Перед мысленным взором Бэды мелькали картины его бурной и далеко не праведной жизни.

Кто была его мать, он не ведал, папаша же, обладатель красного распухшего носа и желтых клыков, столь длинных, что они всегда торчали из-под верхней губы, был существом злобным, грубым и недалеким. Папашу часто били, заодно доставалось и сыну, которого

старый пьяница таскал за собой, заставляя просить подаяние и петь жалобные песни. Били, однако, не до смерти: невинная пухлая физиономия ребенка, столь отличная от страшной рожи папаши вызывала в сердцах экзекуторов если не снисхождение, то хотя бы некоторое недоумение, гасившее боевой пыл. Что и говорить, старик протянул до шестидесяти годов только благодаря располагающей внешности сына.

Из своих детских впечатлений Бэда вывел два умозаключения, повлиявших на его дальнейшую жизнь: во-первых, когда бьют, это очень неприятно, во-вторых — он обладает некими способностями, отличающими его от других людей.

Последнее открытие он сделал в роковой день, когда пьяные служители Галпаранскога цирка насмерть забили дубинками его родителя. Не иначе сам Нергал шепнул старику попытать счастья и устроить будущее наследника, а заодно и свое собственное. Они отправились к владельцу шатра, юный Бэда спел свою самую жалобную песню и неумело прошелся на руках вокруг арены. Песня вызвала громовой хохот грубых циркачей, а хождение на руках — пинки, коими их и погнали в дождливую ночь.

Катль поежился, вспомнив, как плюхнулся лицом в жидкую грязь, посреди которой, словно дивный остров в холодном море, плавал волшебный дворец, расцвеченный гирляндами масляных ламп. Галпаранский цирк процветал, и едва ли не самой большой его гордостью, наряду с карликами, акробатами и слонами, были пять огромных фонарей, забранных цветными стеклами и озарявших вход в обитель чудес — желтый, красный, зеленый, синий и фиолетовый.

Поднявшись из лужи, родитель что-то злобно пробормотал, нащупал под ногами камень и запустил его в цветные огни старческой беспомощной рукой.

Камень, конечно, не долетел и глухо стукнул в брезентовую стенку цирка.

«Да сгорит сие место разврата, да покроют язвы рожу нечестивого Заббармана, кол ему в задницу!»- такими словами сопроводил свое действие покойный папаша.

И еще он добавил, что Митра, видно, наказал его за грехи тяжкие, послав сына, напрочь лишенного голоса, слуха, а также иных талантов и достоинств, способных облегчить его собственную судьбу, равно как и участь престарелого родителя. Если не считать пухлой невинной физиономии, которая Бэде больше не пригодится, поскольку престарелый родитель собирался испортить ее напрочь и бесповоротно.

Страх за собственное лицо и жалость к отцу смешались в сердце отрока, посему он поднял увесистый булыжник и пустил его в красный фонарь. Он метил именно в красный, так как цвет этот был для него самым ненавистным, напоминая о вечно маячившем перед глазами отцовском носе. Фонарь со звоном лопнул, и в грязь полетели сверкающие осколки.

«Славно, — ощерил клыки старикан, — а теперь давай в желтый».

Следующий камень угодил точно в обозначенную цель.

Юный Бэда вошел во вкус.

«Сейчас треснет синий», — объявил он и тут же исполнил обещание, метко послав следующий булыжник в фонарь нужного цвета с расстояния никак не менее пятидесяти шагов.

Старый пьяница снова плюхнулся в лужу и принялся 'кататься в грязи, корчась от хохота.

«Ай да сынуля, — неслось из хлябей, — ай да наследничек, кол тебе в задницу! Уважил старика, потешил…»

«Зеленый!» — возгласил Бэда гордо.

Изумрудные брызги обрушились великолепным стеклопадом как раз на головы

выбегавших из цирка людей во главе с самим хозяином Заббарманом.

Погоня была недолгой. Отец и сын плохо знали Галпаран, в котором оказались впервые, а потому заскочили в тупичок, упиравшийся в глухую стену. По какой-то неведомой надобности строители вбили в кладку железные скобы, и Бэда с ловкостью кошки взлетел по ним на крышу строения. Родитель же, испуганно пыхтевший сзади, сорвался под ноги преследователей и нашел в этом глухом проулке смерть: на сей раз мстители оказались безжалостными и превратили тело старика в кровавое месиво.

Когда Бэда спустился из своего убежища, все было кончено. Он завернул тело в дырявый плащ и закопал на пустыре, опасаясь выносить за городские ворота.

Несколько лет Бэда скитался по Аквилонии, приворовывая, перебиваясь случайными оказиями, гнул спину на поденных работах, терпел унижения, холод, голод и иные тяготы и лишения бродяжнической жизни, пока не оказался наконец в Боссонских Топях.

Надобно заметить, что Свободные Земли влекут многих именно возможностью изменить судьбу, разбогатев быстро и с наименьшим ущербом для себя. Иные лелеют надежду обогатиться в набегах на пиктские земли, другие предпочитают грабить единоплеменников, служаки рассчитывают на богатое довольствие, причитающееся за крепкую руку и верный глаз, честолюбцы надеются достичь высокого положение не родовитостью и знатностью, а исключительно умением заговаривать зубы и расточать обещания.

Что ж, случалось и бывшему конюху стать шарифом, но Бэда обрел свою фортуну не в пиктском капище и не в ручье, несущем золотые песчинки: он нашел сокровище в себе самом.

Он понял, что ножи, посланные в цель, всегда эту цель настигают — подобно камням, разбившим некогда фонари Галпаранского цирка.

Глава третья

Брайнт Ивкар, прозванный Великолепным, гроза Боссонских Топей, открыл глаза розовощекому парню, похожему больше на ученика булочника, чем на демона, которым его вскоре стали считать многие. До их встречи Бэда носил при себе хассак, но, будучи от природы незлобивым и даже несколько робким, пользовался им исключительно в мирных целях: для резки хлеба и строгания пик, которыми бил рыбу в окрестных ручьях.

В тот памятный день Брайнт Ивкар пил в таверне «Три негодяя», что и поныне стоит на главной площади форта Тхандара. Пил он в мрачном одиночестве: посетители, видя зловещее облако, покрывавшее грозный лик известного бандита, робко жались по темным углам за дальними столиками.

Каково же было их удивление, когда дверь таверны открылась и невысокий малый с пухлой полудетской физиономией, возникший в питейном заведении, бестрепетно направился к стойке и уселся на высокий табурет рядом с Ивкаром.

Бандит с трудом приподнял левое веко и в полном недоумении уставился на нахала.

Нахал заказал стопку хайреса пополам с водой.

Брайнт поднял правое веко.

— Я сегодня неплохо заработал, — дружески сказал ему розовощекий незнакомец, — удачно продал форель. Разрешите вас угостить?»

Форель?» — спросил Ивкар, скривив свою рябую физиономию так, словно услышал нечто весьма отвратительное:

«Отличная форель, месьор, восемь здоровенных рыбин. Что вам заказать?»

Бандит молчал. Подавальщик за стойкой принялся поспешно убирать с полок самое ценное. Некоторые посетители украдкой стали пробираться к выходу.

«Ты меня оскорбил, — сказал наконец Брайнт. — Пойдем на площадь, я всажу нож тебе в горло».

И, не оглядываясь, направился к дверям, положив ладони на рукояти длинных хассаков, висевших в кожаных, украшенных бисером ножнах у него на бедрах.

«Увы, мой юный друг, — успел шепнуть тавернщик Бэде, прежде чем молодой человек последовал за своим нежданным противником, — Брайнт Йвкар очень не любит, просто терпеть не может форели…»

Поединок вершился по всем правилам на залитой полуденным жарким солнцем площади Тхандары. Брайнт в совершенстве владел метательным искусством и отправил на Серые Равнины не один десяток дерзнувших «поиграть в ножички», но на сей раз коса нашла на камень. Когда тяжелый хассак Ивкара, вылетевший от правого бедра бандита, словно ядро из аркбаллисты, запел в знойном воздухе песню смерти, нож Бэды встретил его на полпути и сбил на землю.

Удивленные возгласы зрителей возвестили, что тхандарцы поражены не меньше, чем если бы увидели перед собой отряд пиктов, вооруженных железными мечами.

«Что это ты сделал?» — спросил Брайнт, приписав оказию хмельным парам, затуманившим его глаза.

«Отбил ваш удар, — спокойно отвечал Бэда. — Иначе мы оба были бы уже мертвы».

Бандит расхохотался.

«Мальчишка! — всхлипывал он, хлопая себя по ляжкам. — Ты что же, думаешь, что

можешь одолеть самого Ивкара?! Помолись Митре, или кому ты там молишься: я намерен продолжить».

С этими словами он сжал рукоять второго хассака.

«Но у меня только один нож», — сказал Бэда, Ему очень не хотелось умирать в такой прекрасный день, однако ножны за левым плечом были пусты.

«Один?! — взревел его противник. — Да ты спятил, парень, если разгуливаешь по Боссонским Топям практически безоружным! Ну, счастлив твой бог, что ты до сих пор жав. Подними свою железку и сразись с настоящим мужчиной!»

Бэда подобрал нож, и все повторилось: следующий бросок Ивкара был отбит столь же точно и неотвратимо.

Зрители на сей раз просто онемели. Все отлично знали, что Брайнт носит при себе по крайней мере с полдюжины метательных ножей: у бедер — самые большие, способные при хорошем броске пробить кольчугу; по два за каждым плечом, размерами поменьше; и еще два маленьких, укрепленных в ножнах на запястьях, но эти в счет не шли — разили лишь на три шага и у настоящих воинов презрительно именовались «зубочистками».

Обладая подобным арсеналом, бандит мог спокойно превратить розовощекого незнакомца в подобие дамской подушечки для булавок, но делать этого не стал.

Ивкар подобрал свои хассаки, внимательно осмотрел нож Бэды, убедился, что на лезвии нет магических знаков, и протянул клинок молодому человеку.

«Ладно, парень, — сказал он как всегда мрачно, — хоть ты и упомянул при мне ненавистную рыбу, считай наш поединок оконченным. Брайнт Ивкар умеет ценить чужие таланты. Только заруби на своем пухлом носу: даже с подобным умением ты не протянешь в Свободных Землях до первой щетины на твоих розовых щечках. Уж на что я, Брайнт Великолепный…»

Вот тут Бэда снова метнул свой нож. Бросок превзошел все ожидания: пролетев почти на расстояние выпущенной стрелы, клинок прочно засел в глазнице некой темной личности, таившейся на крыше ближайшего здания и уже поднимавшей свой арбалет, целя в голову Брайнта. Испустив жуткий вопль, человек кубарем скатился по кровле и застыл возле дощатых ступеней веранды.

«Засада! — заревел Ивкар. — Зуб Гулла вам в глотку! Ко мне, коняга!»

Он свистнул в два пальца, и из-за угла сарая вылетел великолепный гнедой жеребец. Бандит вихрем вознесся в седло, но, прежде чем он успел дать коню шпоры, длинная стрела бостонского лука вошла ему между лопаток и, пробив изнутри кожаный нагрудник, залила луку потоком крови. Ивкар еще держался в седле, когда два тяжелых болта, пущенных из арбалетов, разворотили его шею и затылок…

В поднявшейся сумятице Бэде удалось унести ноги. Он бежал в самые глухие места Топей, где отсиживался до осени, полностью посвятив время совершенствованию искусства, столь щедро отпущенного ему богами. Памятуя об ужасной гибели Брайнта Великолепного, он решил всерьез отнестись к преподнесенному небожителями дару и использовать его если не для блистательных подвигов, то хотя бы для сохранения собственной жизни.

Когда зарядили дожди, Бэда уже вполне освоил искусство *игры в ножички». Он облазил все близлежащие фермы и усадьбы, составив себе целую коллекцию клинков: от изящных дамских стилетов до кухонных ножей. Он научился метать их от бедра, из-за спины, лежа, в прыжке, с завязанными глазами и еще десятком других способов. Он крал у фермеров брагу, напивался вдрызг, а потом всаживал хассак с пятнадцати шагов в медную монету. Когда,

проснувшись в пещере, где отсиживался после бегства из Тхандары, он обнаружил пригвожденную к корню летучую мышь и вспомнил, что ночью сон его тревожил какой-то писк, Бэда понял, что достиг совершенства и может освободить себя из добровольного затворничества.

Мудрецы утверждают: бывает чрезвычайно опасно, когда человек, независимо от возраста, осознает, что наделен свыше особыми качествами, отличающими его от других. Однако Бэда, осознав свои дарования, вовсе не возгордился. Бывает ведь, что рождаются люди, способные бегать быстрее других, или любить женщин по десять раз за ночь, либо ходить на руках по канату под куполом цирка. Все во власти богов, и подобными способностями человек должен гордиться не более, чем какой-нибудь везунчик, совершенно случайно наткнувшийся на богатейший золотой рудник.

Так думал Бэда, обладавший от природы нравом ровным и незлобивым, но, продолжая сравнение, он полагал, что, точно так же как счастливчик, нашедший золотоносную жилу, не может не использовать чудесную находку себе во благо, так и он, Бэда, просто не вправе не использовать свои фантастические способности, дарованные ему не иначе как самим Мардуком, Небесным Воином.

Три года громких приключений и разнузданной жизни принесли ему славу и прозвище Катль, «кошачий коготь». Он заработал его холодным самообладанием, которое, вкупе с наивной физиономией, просто бесило самых опасных пройдох из тех страшных и свободолюбивых людей, что во множестве шастали по Боссонским Топям. Бесило и толкало к погибели.

В Свободных Землях мужчина считается взрослым, только когда первая щетина украсит его щеки и подбородок. И хотя Бэда был крепышом, способным побиться на кулачках с любым записным драчуном, многие принимали его за мальчишку. Эта ошибка стоила жизни двум рослым гандерландцам, с которыми Катль разругался в маленьком форте на севере Чохиры. Бэда был готов полностью возместить все расходы на похороны, но это не помогло: его схватили и отволокли в тюрьму.

Так Бэда впервые убедился, что сила не только у того, кто умеет метать нож: местные шарифы не зря избирались населением для защиты общественных интересов и зачастую вершили суд сообразно не справедливости, но произволу.

Катль бежал, еще год слонялся по Боссонским Топям, испробовал опасное занятие следопыта и скучное ремесло хлебопашца, пока судьба не закинула его в Либидум.

Он прибыл сюда, имея некоторые обязательства, вызванные все тем же поразительным умением метать ножи. Однажды, поупражнявшись в этом искусстве за много лиг от Либидума, он с удивлением обнаружил, что все взрослое население городка, где он тогда обитал, гонится за ним по пятам с ужасными, полными звериной злобы воплями, явно собираясь вздернуть беглеца на ближайшем суку. Такая перспектива Катля отнюдь не устраивала, тем более что у него оставалась только одна «зубочистка», поэтому Бэда счел за благо вступить в переговоры и в качестве выкупа за троих пострадавших жителей предложил отыскать пользующегося дурной славой бандита-убийцу, известного под кличкой Черный Джок. Предложение было принято, и Катль пустился по следам Джока, ведущим в сторону Либидума, где негодяя ждала почти что любимая женщина.

Однако бандит куда-то затерялся, и Катлю пришлось провести две седмицы в праздном ожидании. За это время он сам стал жертвой девических чар, по уши влюбившись в дочь тарифа Партера, прекрасную Эллис, которая большую часть времени жила в Аквилонии у

своего дяди-виконта и лишь дважды в год навещала отца, развлекаясь соколиной охотой и осмотром заброшенных пиктских капищ.

Эллис, существо крайне своенравное, предпочитала конные прогулки в сопровождении одного лишь прыщавого мальчишки-слуги, вооруженного маленьким арбалетом, более годным украшать стену женской спальни, чем защищать от опасностей, подстерегающих путников в Боссонских Топях. Так что, когда на девушку напал оплетень, невесть как заползший в эти освоенные людьми места из болотин за Черной рекой, Бэда явился как нельзя более кстати…

Но тут воспоминания Катля были прерваны шумом, раздавшимся из-за двери кабинета. Подкравшись на цыпочках к створкам и заглянув в замочную скважину, Бэда увидел ярко освещенную гостиную и красную рожу какого-то незнакомого фермера. Шариф Партер сидел за длинным столом с видом мрачным и непреклонным.

Это меняло планы Бэды. Он рассчитывал встретиться с тарифом один на один.

Глава четвертая

Спасибо, шариф, я не буду садиться. — Как хочешь, Баткин, если уж так торопишься… — Прямо сейчас отправлюсь на ферму.

— Это ночью-то?!

— А вдруг он опять придет? Добро своим горбом наживал, так что терять его за просто так не хочется.

— Добро добром, а жизнь дороже, Баткин. Впрочем, как знаешь.

— Как знаешь! В том-то и дело, если бы я что знал, так к тебе бы не пришел. Чай, у самих луки да арбалеты имеются. Знаю я одно: вот уже с прошлого полнолуния какая-то тварь пользуется моими закромами, словно лавкой пьяного купца. Тащит все что ни попадя, а теперь и меня хочет погубить!

— Ну-ну, Баткин, спокойней, мы в Боссонских Топях, а не за стенами Тарантии.

— Стены! Говоришь — стены! Моя ферма обнесена двойным частоколом, но для этой бестии с Волчьих Холмов нет преград! Мало того, что он проникает повсюду, — когда я посылаю в погоню своих работников, ублюдку всегда удается скрыться!

— Прямо какой-то демон.

— Вот-вот, шариф, демон то и есть. Ни стрела его не берет, ни копье…

— Ты все же сядь, Баткин. Выпьем винца, под него лучше думается. Мирта!

Шариф обернулся к дверям, ведущим на кухню, откуда немедленно появилась его жена, несущая большой запотевший кувшин и две кружки. Фермер смирился с неизбежным, уселся за стол и едва пригубил пьянящий напиток.

— Я уже слышал об этой бестии с Волчьих Холмов, — сказал шариф, делая добрый глоток, — Все мы о ней слышали. Дошло до того, что женщины пугают неведомым злодеем своих детей. Но — у страха глаза велики. И мне кажется, я могу объяснить, в чем дело, не прибегая к потусторонним силам. Когда ты прошлый раз поделился своей бедой…

— Прекрасно помню, — воскликнул фермер, — ты пытался меня убедить, что в Волчьих Холмах вовсе никого нет! Моя ферма-де стоит возле дороги, и мало ли какая шваль могла залезть в сараи…

— Но послушай, Баткин, разве я не с полным пониманием отнесся к твоим словам? Разве не взял я отряд и не прочесал Волчьи Холмы до самого Темного Провала? И что же? Четыре раза мы прошерстили местность вдоль и поперек и никого не обнаружили. А в отряде было немало известных следопытов. Скажи, разве они упустили бы твоего злодея?

— Не знаю я, — потупился фермер, — а только это еще не доказательство…

Краска залила широкое лицо Партера. Никто доселе не подвергал сомнению его репутацию отличного охотника и следопыта!

— Может быть, ты и прав, — сказал он, сдерживаясь. — Может быть, и ерунда, что лучшие следопыты Либидума перевернули холмы сверху донизу и не нашли не только самого злодея, но и никаких следов его пребывания. Может быть. А только сам подумай, Баткин, неужели бы он ни разу не спустился сюда, к нам, вниз, и не попользовался бы кладовыми жителей форта? А?

— Не знаю, — повторил Баткин уныло, — что я, с ним кашу ел? Все, что мне известно, так только то, что кто-то беспрестанно грабит мою ферму!

Шариф крякнул и осушил кружку. Он с удовольствием бы погнал фермера пинком под

зад, но Баткин, Нергал его задери, был одним из его выборщиков, которым вскоре предстояло подтвердить вотум доверия главе местной власти: ему, Партеру. Или не подтвердить. А у фермера были друзья, у тех друзей — собственные, и слух о бесчинствах какого-то неведомого разбойника мог весьма повредить репутации тарифа, отвечавшего за спокойствие в здешних краях.

Партер принял официальный вид и разгладил седые усы, придававшие его плоскому некрасивому лицу нужный оттенок мужественности.

— Ладно, какими доказательствами вы располагаете?

— Он всегда делает одно и то же!

— В прошлый раз вы обнаружили след неизвестного человека и отсутствие целого окорока, после чего со своими людьми организовали преследование похитителя, пока не увидели его скачущим верхом на прекрасном гнедом жеребце. Полагаю, что расстояние на тот момент между вами и преследуемым составляло не более полета арбалетной стрелы.

— Гораздо меньше! Мы были так близко, что рассмотрели в лунном свете его черные волосы и голую спину, покрытую шрамами.

— Но вы не стреляли?

— Нет, так как надеялись взять злодея живым и доставить на суд!

Партер задумчиво глянул на фермера:

— Ты давно в Боссонских Топях, Баткин?

— Третий год, месьор.

— Мог бы усвоить, что в Свободных Землях сначала стреляют, а потом думают о судопроизводстве. Всади ты стрелу между лопаток того ублюдка, и нам не пришлось бы скучать, решая твою проблему.

Он снова налил из кувшина и залпом осушил кружку.

— Хорошо, ты продолжаешь думать, что именно этот человек все обворовывает вас?

— Не сомневаюсь!

— Доказательства?

— Вчера я опять видел его едва ли не в ста шагах.

— В ста шагах?

— И при этом лицо его было освещено!

— Это очень важно, Баткин, постарайтесь его описать.

— Думаю, шариф, это был Черный Джок.

Челюсть Партера поехала вниз, и из уголка рта потекла по подбородку тонкая струйка вина.

— Ты спятил, — хлюпнув горлом, выдавил старый воин, — Черного Джока убил этот псих Катль, ты помнишь…

— А только говорят, что Джок воскрес и прячется в Волчьих Холмах, — упрямо сказал фермер.

— Заткнись! — взревел шариф, опрокидывая графин и кружку. — Я никому не позволю марать мое честное имя и ставить под сомнение то, что говорю! Бэда Катль прикончил Джока, а я арестовал Бэду Катля и отправил в Тхандару! Губернатор Брант осудил молодца крошить камень в рудниках Немедийских гор, это все знают. Что ты болтаешь — Джок был мертвее мертвого, хассак вошел ему в правый глаз и раздробил череп! Как он мог уцелеть?!

Несчастный Баткин отпрянул, едва не упав с лавки.

— Да не я это придумал, шариф, видит Митра, не я, — забормотал он растерянно. —

Стайв это, брательник двоюродный, он это решил, не сносить мне зубов до осени! Он этого парня возле сарая приметил, тот стоял себе под фонарем и зубы скалил. Стайв поднял тревогу, люди повыскакивали и бросились в погоню. Вор перемахнул ограду, там его конь дожидался, и махнул к Волчьим Холмам. Ребята мои за ним, и уже почти настигли, клялись, что видно было, как бешено тот скачет, но потом он вдруг так резко прибавил, что и след простыл. А только Стайв клялся матерью, что признал в скакуне Ситца, лошадь Черного Джока.

Ну, я, конечно, разозлился и поговорил с брательником. Словом, решили мы подстеречь черноволосого, кто бы он ни был, и устроили засаду на склоне. Слышим — спускается. Стайв на него прыгнул и почти что сбил с лошади, да гад этот кулаком ему так в лицо саданул, что разделал как отбивную. Мои парни на коней — и за черноволосым… Куда там: он рванул прямо в холмы и, зуб отдам, словно растворился в темноте.

Подхожу я к брательнику, он на земле сидит, нос зажимает и говорит мне: «Слушай, Бат, а ведь это Черный Джок был, не иначе…»

Шариф гулко захохотал. Потом велел жене принести еще один кувшинчик. Наполнив кружку и отхлебнув, спросил Баткина:

— Не помер брательник-то?

— Да нет, — ответил фермер, довольный, что вспышка шарифского гнева, кажется, миновала. — Чего ему сделается. Только губы стали что у коровы.

— Если так звезданутъ, не то что Черный Джок, сам Мардук может привидеться, — сказал Партер. — Но ты говорил, неизвестный преступник покушался на твою жизнь. Это как же?

— А волка подослал, — поежившись, молвил фермер.

Лицо тарифа приобрело цвет хорошо выбеленного полотна.

— Волка?

— Здоровенный волчина, белый. Никому не говорил, но вам, шариф, все поведаю. Стайв считает, что это волколак, а оборачивается им сам Черный Джок. Пошел я давеча по малой нужде, а он сидит. Я штаны расстегнуть не успел, да так и обомлел: руки опустились, стою ни жив ни мертв. А тварь сия (храни Митра наши души!) подходит и берет меня за причинное место зубами. И вижу глаза чудовища — бездонные, и искры в них полыхают… Подержал несильно, отпустил и был таков. Но что с вами, шариф? Мирта! Мирта! Шарифу плохо!

На вопли фермера в столовую вбежала жена Партера в сопровождении щуплого невзрачного человечка в сером балахоне и круглой шапочке. Шариф, закатив глаза, сидел, откинувшись на спинку кресла, усы его уныло обвисли, по щекам ползли зеленоватые пятна.

Серый замухрышка принялась отпаивать Партера стойкой из граненого флакона, который он извлек из кожаной сумочки, висевшей на груди. Шариф застонал и открывая глаз.

В этот момент от входа послышались шум, возня не внятные восклицания, потом дверь распахнулась, и на пороге возник рыжеволосый великан в полном боевом вооружении. С трудом уместив длиннющее копье поперек комнаты, исторгая удушливый запах чеснока, пришелец ударил себя в грудь и, обращаясь к бесчувственному телу шарифа, возгласил:

— Гуго Пудолапый пришел убить оборотня! Он бросит шкуру чудовища к ногам достойного Партера и избавит Тандхару от ужаса темных сил!

Глава пятая

Хотя свидание с тарифом откладывалось, Бэда Катль не особо о том сожалел. Многое он услышал из-за створок дверей, немало интересного увидел, приникая глазом к замочной скважине. Казалось, большой сбор назначен сегодня вечером в резиденции головы Либидума.

Не успел Гуго Пудолапый опорожнить наполовину ведерную братину, закусить доброй бараньей ногой и перекинуться с очнувшимся хозяином парой словечек, как со двора снова постучали, и слуга впустил двух живописных малых: смуглого горбоносого мужчину, чей облик хранил остатки былой надменности, свидетельствовавшей о высокородном происхождении, и жилистого светловолосого проныру, перетянутого широким ремнем, на котором красовалась изящная гирлянда разномастных зубов — волчьих и пиктских вперемежку.

Завидев парочку, Гуго зарычал и потянулся к мечу, подпиравшему рукоятью потолочную балку, но был столь стремительно заключен в горячие объятия и расцелован в обветренные щеки, что прослезился и сжал протянутые ему руки так, что у новых гостей затрещали кости.

— Нергал с вами, — пробасил великан, — уж коли я вас признал, убивать не стану. Ты, Гарчибальд, и ты Гриб, людишки хоть и хворые, но не совсем пропащие. Да и достойный Партер, думаю, не одобрил бы нашей ссоры.

— Истинно так, почтенный Гуго, — заверил шариф, старавшийся держаться подальше от Пудолапого с его чудовищным чесночным запахом. — Чего нам ссориться, коли дело, собравшее всех под этим кровом, касается всех нас.

— Волк, — сказал Гуго, набивая рот очередной порцией жареного мяса.

— Волколак, — поддакнул Пленси, принимая из рук хозяйки полную кружку.

— Проклятый оборотень, достойный уничтожения, — заключил Гарчибальд Беспалый, подозрительно глядя на бледного фермера.

— Это Баткин, — поспешил представить сробевшего боссонского земледельца шариф, перехватив взгляд барона. — Достойный фермер, чья усадьба стоит аккурат возле Волчьих Холмов. Не далее как перед вашим приходом он рассказывал о волке, появившемся на его дворе несколько дней назад…

— Пробовал осиновое древко с серебряным наконечником? — спросил Гарчибальд.

— Или лапку кролика, убитого на кладбище в полнолуние? — вставил Пленси.

— Горбуном, — добавил Беспалый.

— И непременно чтобы волосами рыжей девственницы, — уточнил барон.

— Ну, можно и не рыжей, — солидно заключил Скурато. — Но лучше рыжей.

— Нет ничего круче чеснока, — пробасил Гуго, сплевывая на стол плохо пережеванный хрящик. — Поверьте старому охотнику на волколаков.

— С каких это пор ты записался в их ряды? — осведомился Гарчибальд.

— С тех пор, как мамки стирали твои пеленки!

— Тогда объясни, Пудолапый, зачем тебе чеснок? Ты можешь задавить оборотня своей задницей!

Великан снова зарычал, однако шариф поспешил успокоить следопытов.

— Ладно, ребята, — сказал он, — вижу, у каждого из вас есть свой метод борьбы с нечистью. Признаюсь, я послал каждому из вас по весточке не для того, чтобы вы

передрались, так и не приступив к охоте на оборотня. Позвольте изложить вам суть дела. Наш друг, — тут он кивнул на фермера, судорожно сжимавшего свою кружку, — не первый, кто видел волколака. каждое полнолуние сей тать тревожит покой вверенных мне земель, воруя скот, пугая женщин и вызывая ярость мужчин…

— Отчего же ваши мужчины его не прикончили? — осведомился Пудолапый.

— Не все так просто. Волк появляется внезапно, режет скот и исчезает прежде, чем сторожа успевают позвать на помощь.

— Тогда откуда известно, что это оборотень, а не обычный зверь? — спросил Гарчибальд.

— Он слишком хитер для обычного зверя. Были случаи, когда волк проникал в жилища, пугал людей и словно растворялся в воздухе. Он ведет себя не как обычное животное, и хотя пока не убил никого из поселенцев, поручиться за безопасность людей я не могу.

— А как он пугает? — спросил Гуго, для которого само данное понятие являлось не совсем вразумительным.

Шариф велел Баткину рассказать, как напугал его волк. Баткин помялся, но все же рассказал. Пудолапый зашелся в громовом хохоте. Гарчибальд презрительно скривил губы. Пленси Скурато принялся что-то перебирать в своей торбе.

Шариф подвел итоги:

— Как видим, ни одно дикое животное не способно на подобные осмысленные действия. А значит, мы имеем дело с волколаком, оборотнем. Окрестности Либидума полнятся слухами, и фермеры готовы взяться за оружие, чтобы положить конец бесчинствам нечисти, явившейся из болот…

— Из-за Черной реки, — уточнил Гуго, — там много подобной мрази.

— Я как лицо, несущее ответственность за безопасность сих мест, — продолжал шариф, — обязан не допустить самочинной охоты, чреватой ненужными жертвами, потому и вызвал вас, специалистов.

Гарчибальд и Пленси польщенно зарделись. Цвет лица Гуго не изменился, ибо был и так достаточно багров, чтобы краска чувств могла на нем отразиться. Если у Пудолапого, конечно, были какие-нибудь чувства.

— Не хотелось бы отнимать слишком много времени у столь занятого человека, как наш шариф, — светским тоном молвил Гарчибальд Беспалый, — но все же хотелось бы войти в курс дела. Ибо, если мне не изменяет память близится очередное полнолуние.

— Есть наводки? — спросил Скурато.

— Кого и где будем давить? — пробасил Гуго.

— Позволь, тариф, я расскажу о бандите с Волчьих Холмов, — робко вставил Баткин.

И он поведал следопытам историю, которая уже была известна тарифу и подслушивавшему под дверьми Катлю.

— Что скажете? — спросил Партер, когда фермер кончил излагать свою историю.

— Чушь! — гаркнул рыжий верзила.

— Очень может быть, — осторожно молвил Пленси.

— Даже если Черный Джок воскрес… — начал Гарчибальд, но шариф прервал его, энергично ударив кружкой по столешнице:

— Джок! Ерунда! Джок мертв с тех пор, как получил клинок в свою дурную башку! Послушайте, месьоры, если я могу вас так называть, все это чушь. Только я доподлинно знаю, кто этот волк-оборотень! Я знал его, я верил ему, как сыну, он любил мою дочь. Он

обманул меня, и я отправил его на каторгу, откуда этот прохвост недавно бежал, а потом набрался наглости явиться ко мне, дабы заверить в своей невиновности, Я заключил его в яму, откуда в ночь полнолуния сей сын тьмы исчез, задрав когтями охранника. С тех пор он наводит ужас на мирных поселенцев Тандхары! Увы мне, увы, сколь близорук оказался я, избранник народа, сколь недальновиден…

— И кто же сей тать? — негромко осведомился Гарчибальд.

— Назови нам его имя, дабы мы смогли помешать злодею совершать дела черные, — вкрадчиво молвил Скурато.

— Кто этот ублюдок?! — взревел Гуго.

Шариф понурил голову, отер со лба крупный пот и молвил:

— Бежал из ямы, обратившись зверем лесным и задрав моего человека, не кто иной, как Бэда Катль, убийца Черного Джока!

Глава шестая

Заходи, Партер, садись. — Катль? Это ты? Сынок… — Кресло возле камина, шариф. Садись.

Шариф сел.

— Ты ведь не думаешь меня убивать, Бэда? Согласись, мало чести прикончить старика, сидящего в кресле…

— А много ли чести натравить убийц на человека, который этого не заслуживает?

— Так ты все слышал?

— Догадливый. Почему ты сделал это, шариф?

Партер хотел подняться, но, завидев тускло блеснувший хассак в руке Катля, остался сидеть.

— Сначала ты обманул меня, когда я убил Черного Джока. Я убил его по праву поединка и по просьбе людей, которых он обидел. Ты схватил меня и отправил на каторгу.

— Я отправил тебя к губернатору, а уж он решил… — Губы тарифа пересохли, и он облизнул их, чувствуя, что и язык стал подобен сухой пемзе.

Катль смотрел ему в глаза с тем странным, оскорбительным презрением, благодаря которому он получил свое прозвище. Щеколда, опустившаяся на дверь за спиной тарифа, вынуждала Партера принимать этот взгляд, не суливший ничего доброго.

— Ты отправил меня на каторгу, потому что я любил твою дочь, — закончил Бэда. — Плохая партия, не так ли?

— Ну что ты…

— Плохая. Зачем тарифу Либидума зять-разбойник? Ты ведь не принял всерьез моих слов, что я хочу остепениться построить ферму, зажить с Эллис чин-чинарем и все такое…

— Сынок, ты ошибаешься!

— Тогда зачем ты сдал меня после поединка с Джоком?

— Так велят законы, сынок, ты знаешь, что губернатор запретил поединки на ножах!

— Плевал ты на губернатора! Поединки! Да в Тхандаре на дуэлях убивают людей больше, чем комаров на крупе лошади за дневной перегон!

— Но я представляю власть, сынок. Подумай сам, что будет, если боссонцы утратят последние представления о крепкой руке!

— Это твоя-то рука крепкая? Если ты так в себе уверен, зачем же объявил меня волколаком и нанял убийц? Человека своего не пожалел, горло ему железными кошками разодрал, только бы представить мое бегство как побег оборотня! Зачем? А я-то, вернувшись с рудников, пришел к тебе искать справедливости! Принес доказательства виновности Черного Джока, думая, что в прошлый раз ты ошибся! Скажи, шариф, чтобы я понял тебя своей тупой головой: ты схватил меня во второй раз, бросил в яму, потом явился с ласковыми речами, убедил, что мне сочувствуешь, а неволя моя вызвана исключительно присутствием соглядатаев губернатора Бранта, предложил бежать. Я устроил подкоп и ушел в леса, туда, где мне и место. И что же я узнаю? Ты объявляешь меня оборотнем, волколаком и натравливаешь на меня следопытов, готовых усмотреть нечистое в собственной матери, лишь бы получить награду? Зачем, шариф?

— А ты уже скоблишь щеки, — сказал Партер печально.

— Я много чего повидал в каменоломнях, — откликнулся Бэда, — Так будем

разговаривать?

— Ладно, Катль, — голос старого рубаки стал жестким. — Ты волен взмахнуть рукой — и я умру. Что это даст? Тебя все равно повесят. Потом в Либидуме начнется соперничество между семьями, будет куча трупов… Сейчас же придут пикты. Женщин будут насиловать, младенцев резать. Среди женщин, между прочим, твоя Эллис. Все еще любишь ее?

Катль промолчал.

— Знаю, любишь. Это хорошо. Хорошо это, ежели бы ты бандитом не был. Моя дочь знатных кровей, тебе не чета… Чего раздумываешь, давай, мечи свой ножик!

— Безоружных не убиваю, — сказал Катль, у которого рука, честно говоря, чесалась. — Ты ведь, Партер, из благородных. Я к тебе честь по чести сватался. Не как бандит, а как добропорядочный боссонец. Мог бы отказать, и дело с концом.

— Нет, — сказал шариф, — не мог. Тебе откажешь, так и девку умыкнешь. А брат у меня в Аквилонии серьезный, виконт, и племянницу любит, мне его гнева не надобно.

— Так ты трус?

— А ты? Подумаешь, волка какого-то на него списывают… Что тот волк, тварь, в общем-то, безобидная, ну скот там режет, ну по домам пошаливает…

— И потому его убить нужно?

— Для порядку. Сам посуди, ежели тварь подобная разгуливать на свободе станет, что люди обо мне подумают?

Тут Бэда улыбнулся так, что хозяин дома вцепился в подлокотник кресла и судорожно повел плечами.

— Давай, — сказал Катль, — говори, что подумают.

— Сынок…

— Ближе к теме.

— Ну, говорят, что волк этот оборотень… волколак…

Его кое-кто видел, и фермеры готовят облаву. А может, и нет его, проклятого…

— Нет?

— Я говорю — может. Но люди-то боятся. А к кому люди идут? К тарифу. А шариф, он все знать обязан, всем помогать. Если люди говорят, что в окрестностях Либидума завелся оборотень, значит, так оно и есть, и власть должна силу свою явить… Сознаюсь, хотел и с тобой под шумок разделаться, да ты ведь беглый, одно слово — пропащий…

«Зубочистка» вонзилась в левое ухо шарифа.

«Зубочистка» — это такая штука, что вреда особого не причинит, но кричать вполне может заставить.

Партер завизжал.

— Значит, так, — сказал Катль, — я хочу поселиться на твоих землях. Вместе с твоей дочерью. А за это я убью волколака. Пойду в Волчьи Холмы, найду того, кто там прячется, и убью. Принесу его голову сюда, в твой дом волчью или человеческую — все равно, а ты своей властью снимешь с меня все обвинения. Мне надоела беспутная жизнь, шариф, хочу осесть и детей нарожать. Согласен?

Шариф обернулся на дверь кабинета, в которую снаружи колотили: видно, челядь услышала вопль своего хозяина.

— Справедливо! — воскликнул Партер поспешно. — Давай, сынок, действуй, убей того, кто скрывается в Волчьих Холмах, и мы объявим его оборотнем. Управишься за два дня?

Катль ничего не ответил. Он подошел к окну на веранду и осторожно выглянул. Никого:

следопыты отправились готовиться к охоте, а слуги были внутри дома.

Но прежде чем исчезнуть, Бэда Катль сделал вот что. Он опустил руки на бедра, и два тяжелых хассака со свистом пронеслись над головой обомлевшего шарифа и вонзились в большой портрет, висевший на стене комнаты. На портрете был изображен сам хозяин в полном рыцарском облачении, гордо взирающий куда-то в туманную даль из-под откинутого забрала. Ножи слегка попортили картину: их лезвия вонзились точно в глаза нарисованного Партера.

Бэда Катль недобро улыбнулся, извлек хассаки, упрятал их в ножны и только после этого бесшумно канул в темноту через окно веранды.

Дверь сотрясалась под ударами крепких кулаков, несколько голосов на разные лады звали шарифа.

Но Партер медлил. Он поднялся из кресла, проковылял в дальний угол и поднял тяжелую крышку резного, окованного медью сундука. Достал железную кошку, повертел в руках, потом решительно приставил острые «когти» к груди и рванул, разрывая тонкое полотно рубашки…

Только после этого, бросив кошку обратно в сундук и; зажимая кровоточащие раны, пошел открывать дверь.

Глава седьмая

— Вы и так задержали вас до самого рассвета, месьор Драган, и дали оборотню уйти достаточно далеко… — Я уже говорил вам, месьор Партер, что мне плевать на вашего оборотня, если он вообще существует!

— Ах вот как! Значит, вы ставите под сомнение мой рассказ о том, что я видел собственными глазами? Вы бы не улыбались столь насмешливо, месьор, если бы на ваших глазах лоб и щеки человека стали зарастать шерстью, нос, рот и скулы слились воедино, превращаясь в волчью пасть, а ногти стремительно начали вытягиваться и загибаться внутрь… Бр-р! Меня до сих пор холодный пот прошибает, когда вижу эти когти у своей груди, а ведь я не робкого десятка, чтоб вы знали.

— Может, вы и не робкого десятка, шариф, но выпили накануне слишком много. В комнате было темно…

— А эти раны откуда взялись? — Партер потащил вверх кольчужную рубашку, намереваясь снова продемонстрировать всем багровые рубцы на груди, — Я что, сам их себе нанес?!

— Я этого не утверждаю, — сказал месьор Драган холодно, — более того, уверен, что на вас кто-то напал. Но был ли то волколак или просто разбойник, неизвестно. Тем более что, кроме вас, волка никто не видел, зато ваш же сторож утверждает, что какой-то малый перемахнул ограду и растворился в ночи. И был он двуногим и без шерсти, если не считать волос на голове.

— Этот вопрос мы тоже сможем обсудить, встретившись один на один в каком-нибудь тихом месте.

— Полагаю, барон, — криво усмехнулся аквилонец, — говоря о тихом месте, вы опасаетесь ветра, который может снести в сторону ваши метательные ножи… Я слышал, что боссонцы боятся слишком близко приближаться к противнику и потому предпочитают бросаться друг в друга железками, словно какие-нибудь мальчишки!

— Для вас, месьор, я сделаю исключение, — холодно парировал Гарчибальд. — Мой меч, может быть, не так хорош, как ваш, но кое на что сгодится.

— А моего хочешь попробовать?! — рявкнул вдруг Гуго Пудолапый, потянув из ножен свой Трипамадор.

— Это что, тоже барон? — осклабился аквилонец. — Или и просто ходячий кусок обвалившейся стены?

Великан зарычал, как медведь, которому наступили на лапу.

— Оружие в ножны, месьоры! — властно крикнул Партер. — Пока я тариф Либидума, здесь будут соблюдаться законы. Не забывайте, что поединки запрещены!

— Однако это не помешает нам встретиться для дружеской беседы с учтивейшим бароном и храбрейшим Не Знаю Как Его, когда мы покончим с главным делом, — насмешливо заключил Драган. — А сейчас, шариф, наша святая обязанность — выполнить волю короля Нумедидеса и поймать негодяя, предавшего своего монарха и бежавшего от справедливого возмездия в эти дикие земли.

— Это о ком же речь? — мрачно поинтересовался Гуго.

Остальные следопыты и люди шарифа вопросительно уставились на своего начальника.

Партер насупился. Он, конечно, знал, о ком идет речь и по чью душу явился сюда из

Тарантии этот надменный ублюдок Драган. Явился ночью и сразу потребовал овса для лошадей, вина для солдат и подмоги в поисках преступника, скрывающегося, по его сведениям, в Волчьих Холмах.

Пришлось кое-что втолковать месьору рыцарю. А втолковывал ему Партер вещи очевидные: в Свободных Землях живут свободные люди, а хозяин здесь, в Либидуме, он шариф, и только ему решать, давать своих парней в подмогу аквилонцам или не давать. А так как у него есть дело более важное, чем поиски государственного преступника (тут шариф подумал, что каждый третий боссонец может считаться государственным преступником с точки зрения аквилонских судейщиков, но вслух этого не сказал), он склоняется в просьбе отказать и вообще послать аквилонцев к такой-то матери.

Месьор рыцарь на эти слова только высокомерно усмехнулся и подал тарифу свиток с печатью губернатора Тхандары, в котором светлейший Брант Дрого, чтобы пусто ему было, предписывал тарифу Либидума оказывать посланнику аквилонского короля всяческое содействие. Сам губернатор уже проявил лояльность, отрядив под начало месьора Драгана отряд боссонских стрелков.

Конечно, губернатор мог предписывать что угодно: дело тарифа было выполнять эти предписания или не выполнять. Партер уже собирался посоветовать аквилонцу использовать пергамент по срамному назначению, когда в голову ему пришла некая мысль. Он сообщил посланцу короля, что сам собирается отправиться на поиски беглого каторжника, который к тому же подозревается в оборотничестве, чему свидетельство — свежие раны на груди шарифа.

Драган сказал, что ему плевать на всех оборотней вместе взятых, а на беглых каторжников — тем более.

Партер заметил, что ему трижды плевать на государственных изменников, пусть их ловят королевские ищейки.

Рыцарь обиделся на «ищеек», и только важность предстоящего дела и доверие, оказанное ему королем, уберегло его от нарушения закона, а именно — от немедленного поединка с тарифом.

Немного еще поругавшись и прикончив остатки вина урожая прошлого года, они сошлись на том, что отправятся в Волчьи Холмы двумя отрядами, и если люди тарифа первыми выследят изменника, они его схватят, а если случится так, что аквилонцы наткнутся на беглого каторжника, они его убьют. От серебряных наконечников для стрел Драган высокомерно отказался, сказав, что у его воинов есть обереги, а любого волка, будь он зверем или оборотнем, они и так одолеют.

Теперь, когда все было готово, чтобы отправиться в Волчьи Холмы, Партеру предстояло объяснить этот план своим людям.

Однако Драган опередил тарифа.

Привстав в стременах, он обратился к следопытам и десятку добровольцев-фермеров голосом зычным, словно на плацу.

— Боссонцы! — прокричал рыцарь, обнажив для пущей важности меч. — Король Нумедидес считает вас добрыми подданными, настоящими героями, охраняющими границы великой державы от сонмищ кровожадных дикарей! А потому его величество ни на гран не сомневался в том, что вы окажете его посланникам необходимое содействие в поимке опаснейшего государственного преступника, изменника, бежавшего в Боссонские Топи в тщетной надежде укрыться от справедливого возмездия!

Справедливейший король Аквилонии некогда приблизил к себе этого человека и даже сделал его капитаном своего воинства, но сей презренный варвар, не имеющий никакого понятия о рыцарской чести, подло обманул нашего монарха и отплатил ему черной изменой. Я говорю «варвар», ибо этот ублюдок родом происходит из дикой Киммерии, жители которой до сих пор едят человеческую печень и являются злейшими врагами цивилизованных людей, подобно пиктам, которых вы все ненавидите. Он высок и силен, как дикий медведь, волосы черные, глаза синие, лицо покрыто шрамами. Если вы увидите этого человека, схватите его и доставите мне живым или мертвым, всемилостивейший монарх наш не забудет вашей услуги!

— Мне кажется, я знаю, о ком он говорит, — шепнул Пленси на уху Гарчибальду.

— Я тоже, — ответил Беспалый. — Черные волосы, синие глаза… Кто же не помнит героя Тусцелана. Но этот тарантийский петух, видно, рехнулся, если собирается подобными речами склонить наших парней ловить кого бы то ни было из насоливших аквилонскому королю…

Словно а подтверждение его слов, из рядов фермеров среди которых давно уже гулял неодобрительный ропот! вышел сухопарый человек в потертой одежде. Он приблизился к посланнику короля и вежливо поклонился.

— Месьор! — воскликнул честный земледелец, ударив себя в грудь. — Когда-то я бежал из Шамары, опасаясь быть повешенным за весьма невинную частушку, которую сочинил с похмелья о нашем всемилостивейшем короле, о чем сейчас весьма сожалею. Позвольте в знак глубокого раскаяния и преданности явить вам, королевскому посланнику, знак величайшего почтения, принятый у нас в Свободных Землях.

С этими словами он повернулся к Драгану задом, спустил штаны и, наклонившись, продемонстрировал онемевшему рыцарю голую задницу, густо заросшую черным курчавым волосом.

Боссонцы, включая лучников, обидно захохотали.

Беглый сочинитель куплетов, ободренный их смехом, преданно повилял седалищным местом. Однако любовь к вниманию публики стоила ему дорого: придя в себя после столь неслыханной дерзости, Драган наклонился и со всего размаху треснул клинком плашмя по ягодицам нахала, повергнув земледельца в пыль.

Люди шарифа, гневно вопя, схватились за оружие, аквилонцы, соблюдая полный порядок, обнажили мечи и окружили своего командира. Они могли бы легко расправиться с обнаглевшими простолюдинами, если бы не два обстоятельства: тяжелый двуручный Трипамадор, взметнувшийся над головой Гуго, и наконечники тяжелых боссонских стрел, обратившиеся в их сторону, — отряд тхандарских лучников без раздумий принял сторону земляков.

Шариф, оказавшийся рядом с Драганом за спинами его воинов, досадливо сплюнул.

— Не делайте глупостей, — пробурчал он, — вам не выстоять против наших.

— Ты мой заложник, — процедил рыцарь сквозь зубы, — если они нападут — тебе конец…

— А что скажет король, когда узнает, что его посланник, вместо того чтобы крепить мир с боссонцами и ловить изменника, напал на жителей одного из фортов и бесславно погиб в этой стычке?

Лицо Драгана впервые утратило надменную невозмутимость.

— Что же делать?

— А кто тянул тебя за язык разливаться насчет монарших милостей и коварных изменников? Да тут каждый третий беглый… А знаешь, что ценят свободные люди превыше самой свободы? Они ценят золото. Двигай за мной, уладим это дело.

Аквилонские воины расступились, рыцарь и Шариф выехали вперед.

— Ребята! — Партер поднял руку в кожаной перчатке, — Я знаю ваш горячий нрав, но, Нергал вас задери, умейте же дослушать, что вам говорят, до конца. Этот месьор, откуда бы он там ни прибыл, из Аквилонии или с самих Серых Равнин, имеет к нам вполне конкретное предложение.

Начнем с тебя, Брют.

Последние слова были обращены к фермеру, все еще сидевшему на земле со спущенными штанами.

— Месьор рыцарь не слишком знаком с нашими невинными шутками, а посему предлагает за невольно нанесенную обиду вполне весомую компенсацию: двадцать золотых монет.

Драган заскрипел зубами, но все же бросил сочинителю куплетов увесистый кожаный мешочек. Боссонец подкинул его на ладони, подтянул штаны и удалился к своим с вполне довольным видом.

Шариф собирался продолжить свою речь, но тут вперед выскочил еще один свободный хлебопашец.

— Несправедливо! — возгласил он, развязывая портки. — Да за двадцать монет я буду стоять здесь с голой задницей до вечера!

На этот раз к громовому хохоту боссонцев присоединились и аквилонские воины.

— Вот и ладно, — сказал шариф, дождавшись тишины, — повеселились, а теперь к делу. Месьор Драган предлагает за поимку беглого изменника вознаграждение… э-э…скажем, в две тысячи золотых.

Королевский посланник мрачно кивнул, рассудив, что сначала следует поймать беглеца, а уж потом видно будет, кому смеяться последним.

— Значит, по рукам, — заключил шариф. — Пойдем двумя отрядами. К Волчьим Холмам есть только две тропы, которые там сходятся. Места у нас гиблые, так что никому с дороги сворачивать не советую. Аквилонцы вызвались помочь в нашем деле, а уж мы пособим воинам короля как сможем…

— Так не пойдет, — возразил Гарчибальд, — следопыты строем не ходят. У нас свои методы.

— А я вас и не подразумевал, — кивнул Партер, — вы можете хоть по дну болота ползать, только нечисть мне прикончите. Ну что, трогаем?

Всадники и пешие уже потянулись к воротам Либидума, когда сзади раздался стук копыт и на изящной белой кобыле их догнала девушка в простом дорожном платье. За ней на кургузой лошадке трусил невзрачный человечек в серой хламиде и круглой шапочке.

Драган, первый заметивший всадницу, натянул поводья.

— Кто эта прекрасная дама? — спросил он шарифа.

— Эта прекрасная дама — моя дочь Эллис, — побледнев, отвечал Партер.

— Что ты здесь делаешь, я же велел тебе остаться дома, — крикнул он, когда всадница приблизилась. — Ты нездорова…

Эллис улыбнулась, и в ее прекрасных черных глазах заиграли насмешливые искры.

— А лекарь говорит, что прогулка на свежем воздухе пойдет мне на пользу. Не правда

ли, месьор Страдинадо?

Щуплый лекарь только развел руками.

— Ни под каким видом! — грозно объявил шариф. — Это опасное предприятие, я не хочу нести за тебя ответственность!

— Предоставьте это мне, — галантно поклонился Драган, — в моем отряде дама будет в полной безопасности. Позвольте, прекрасная Эллис, предложить вам меч рыцаря и незабываемое развлечение, которое нас всех ожидает!

— Вот мой платок, месьор, и если вам суждено погибнуть, вы знаете, чье имя шептать на пороге вечности.

Драган так и не понял, чего больше было в словах девушки: кокетства или насмешки. Она ударила лошадь стеком и умчалась вперед, прежде чем мужчины успели вымолвить еще хоть слово.

Мало кто видел, как, поравнявшись с тарифом, лекарь сунул тому в руку маленькую склянку, которую старый воин с отвращением понюхал, после чего поспешил вслед за своим отрядом.

Глава восьмая

Светлая полоска с восточной стороны окоема застала Катля уже проснувшимся. Бледный румянец зари все шире разливался по краю неба, но глаз Митры еще не появился, чтобы согреть озябшую за ночь землю. Низкий туман стлался среди камней, и Бэда зябко поежился, плотнее закутываясь в отсыревший во время сна плащ.

Пробуждение его было тяжелым и безрадостным. Пожалуй, так паршиво на душе не было даже на каторге, в Немедийских горах, где ему довелось перекатать на тачке немало камней. А сейчас камень словно лежал на сердце, давя тяжело и неотвратимо, как взгляд орка.

Бэда не мог понять, что с ним случилось. Передряг на его долю выпадало немало, и всегда он умел найти выход, даже когда казалось, что выхода нет. Сквозь соломинку проскальзывал, а носа не вешал. Не из-за коварства же тарифа (кол ему в задницу, как любил выражаться покойный родитель) он так раскис, в самом деле? Катль был уверен, что как только старый Партер вытащит «зубочистку» из своего морщинистого уха, он велит отрядить за ним погоню, но не это волновало и заставляло сердце сжиматься в мрачном предчувствии. В чем же дело?

Вчера, выбравшись из Либидума, он во весь опор погнал украденную лошадь в сторону Волчьих Холмов, прислушиваясь, не пустились ли за ним в погоню. Погони не было, видно, старик решил обставить дело со всеми подобающими церемониями. Не каждый день волколака ловить приходится, тут подход нужен…

Бэда и сам не знал, станет ли он искать в холмах неведомого злодея, чтобы убить и принести его голову Партеру. Конечно, шарифу надо списать на кого-нибудь пропавший скот и страхи глупых женщин, и человек, скрывающийся в Волчьих Холмах, подходит как нельзя лучше. Но сдержит ли шариф слово, коли уже его нарушил? Ему выгоднее покончить с Катлем и убить двух зайцев: и от зятя-разбойничка избавиться, и народ утихомирить.

Катль мысленно уже называл себя зятем Партера, ибо был человеком прямым и бесхитростным. Всех женщин он делил на две неравные части: первую, большую и худшую, составляли шлюхи, вторую — честные жены. Бэда знал немало потаскушек, а если ему доводилось невзначай переспать с какой-нибудь фермерской женушкой, он тут же заносил ее в худшую часть.

Эллис принадлежала ему там, на лесной поляне, после битвы с оплетнем (прыщавый мальчишка был отправлен в ближайшую деревню за подмогой, дабы зарыть смердящие останки чудовища, но, конечно, подглядывал), и это была чистая, хоть и довольно безумная страсть, порыв, толкнувший спасенную красавицу в объятия благородного спасителя. Их души вознеслись к блаженным небесам, в то время как сплетенные тела мяли душистые травы земного дола… И Бэда положил в сердце своем сочетаться с прекрасной Эллис законным браком, ибо не хотел, чтобы прекрасная Эллис присоединилась к длинной вереницe распутниц, бредущих прямиком в Юдоль Скорби.

Он вовсе не лукавил, говоря тарифу, что решил покончить с беспутной жизнью. Собственно, Бэда не был рожден для авантюр и приключений, и только дар, врученный ему кем-то из небожителей по ошибке, толкнул молодого человека на этот скользкий путь. Дюжина детей, преданная жена и крепкое хозяйство — вот что видел Бэда в своих мечтах.

После той бурной любовной сцены на лесной поляне Эллис не допускала его к себе,

хотя Катль несколько раз тайком проникал в ее комнату. Бэда блаженствовал: именно так, по его мнению, и должна вести себя честная женщина, будущая мать семейства. Они сидели в полумраке на диване, держа друг друга за руки, и почти не разговаривали. Впрочем, пару раз Эллис намекнула, что не против навсегда поселиться в Свободных Землях и зажить своим домом, избавившись от докучливой опеки отца и несносного аквилонского дядюшки, который вознамерился сделать из нее светскую даму.

«Отец, конечно, желает мне добра, позволяя лишь дважды в год приезжать к нему в гости, — сказала она, — но ты бы знал, мой милый Бэда, какая это скука — вышивать на пяльцах и смотреть с балкона, как какие-то дурни разбивают друг другу головы в твою честь. То ли дело здесь: эти леса, в которых легко заблудиться, кровожадные пикты, страшные чудовища, опасности…

«Со мной тебе нечего бояться, — скромно отвечал Катль, потупив глаза, — мы построим дом, обнесем его крепким частоколом и заживем по-настоящему».

Девушка тихо улыбалась.

Бэда не привык откладывать дела в затерянный сундук и вскоре отправился к тарифу свататься.

Партер долго пил с ним вино, называл «сынком» и втолковывал, что его дочь ждет гораздо более светлое будущее, нежели огород, свиньи и выводок грязных карапузов. Впрочем, когда дочь устроила сцену и пригрозила, что в случае отказа уйдет жить в лес, к пиктам, обещал подумать.

Тут и подвернулся Черный Джок, кол ему в задницу. Негодяй получил свое, а шариф свое: упек опасного соискателя руки дочери на каторгу.

Бежав с рудников и вернувшись в Тхандару, Бэда узнал, что Эллис хворает со времени их разлуки, при ней неотступно находится лекарь из Зингары, и Партер склоняется к тому, чтобы навсегда запретить дочери пересекать границы Боссонских Топей. Катль со свойственной ему прямотой отправился к тарифу, представил доказательства собственной невиновности в давнем деле и потребовал объяснений относительно дочери. Партер ничего объяснять не стал, арестовал Бэду и бросил в яму. А потом объявил волколаком.

Так и не услышав за собой погони, Катль почти загнал лошадь, бросил ее возле полуразрушенной хижины и пустился к Волчьим Холмам напрямик. Это он так думал, что напрямик, а вышло по-иному.

Когда землю уже окутали сумерки, он очутился среди каких-то камней, которым, казалось, не будет конца, и понял, что заблудился. Что-то тягостное было в этом месте, словно вперемесь с туманом разливалась тяжелая муть, незримая, но вполне ощутимая сердцем. Бэда попытался развести огонь, но собранные сырые ветки никак не хотели загораться. Решив, что утро вечера мудренее, он прикорнул возле холодного, словно лед, камня а забылся тревожной дремой.

А ночью… Да, вот оно, то, что не отпускает душу, давит мрачным предчувствием!

Он открыл глаза и увидел две зеленые точки. Они приблизились, среди клочьев тумана возникла огромная волчья голова с оскаленной пастью. С желтых клыков, похожих на острые кинжалы, капала слюна. Морда была покрыта тускло блестевшей в лунном свете шерстью, казавшейся медной, неподвижные зеленые глаза горели холодной ненавистью, и этот взгляд заставил Катля оцепенеть.

Только сделав огромное усилие, он метнул нож. Волк исчез. Клинок глухо ударился о камень: Бэда Катль, гроза Боссонских Топей, не сделавший ни одного неточного броска ни в

одном поединке, промахнулся.

Он промахнулся!

Вспомнив об этом, Бэда застонал и закрыл глаза. Может быть — сон? Тяжелый ночной кошмар, навеянный дурным местом. Ну конечно, сон.

Он ощупал ножны за правым плечом. Они были пусты. Бэда встал и отыскал хассак. Клинок слегка затупился от удара о камень. Если волк ему и приснился, то нож он метал наяву.

В кого?

Бэда побрел между камней, настороженно поглядывая по сторонам. В утреннем свете место выглядело не лучше, чем ночью: словно какой-то великан, забавляясь, рассыпал вокруг пригоршню скалистых обломков, превратив пологий склон в настоящий сумрачный лабиринт. Камни эти были черные и мертвые, на них ничего не росло: ни кустика в трещинах, ни мха, ни лишайников. Приложив руку к одному из обломков, Бэда тут же отдернул ладонь: поверхность обожгла холодом, казалось, чем выше поднималось солнце, тем холоднее становились странные камни.

«Надо выбираться отсюда, парень», — сказал себе Катль и постарался ускорить шаг.

Ноги были словно ватные, в голове шумело.

Он не мог бы с точностью сказать, как долго блуждал среди камней, пока впереди не показались верхушки сосен. Пожалуй, Бэда обрадовался деревьям так, как радуется затерянный в открытом море корабельщик, увидев вдали узкую полоску земли. Он даже заставил себя бежать. И только оказавшись на опушке редкого леса, понял, что зря радовался.

Это было пиктское капище. Наверное, когда-то аквилонцы, оттесняя дикие племена за Черную реку, сожгли его: повсюду виднелись обугленные колья и рухнувшие почерневшие бревна, вросшие в землю. Но кто-то восстановил святилище, если и не полностью, то достаточно, чтобы вызвать дрожь у белого человека.

В центре темнела крытая листьями бревенчатая хижина на сваях с гирляндами выбеленных солнцем рыбьих голов над притолокой двери. Вход охраняли два идола, весьма искусно вырезанные из цельных стволов бука: левый изображал женщину с огромными грудями, правый — мужчину с воздетым, словно меч, детородным органом. Вокруг поляны стояли разномастные колья, увенчанные звериными и человеческими черепами. Между ними темнели кострища, и, пощупав золу, Катль понял, что одно из них совсем свежее.

Самым разумным было бы поскорее убраться отсюда подобру-поздорову, но Бэду обуяло почти детское любопытство. Ходили слухи, что не все пиктские кланы ушли за Черную реку, некоторые закрепились на исконных землях, растворившись в густых чащобах, затаившись в болотах. Но чтобы капище, да еще неподалеку от форта, среди обжитых земель!.. О таком слышать не приходилось.

Слышать не приходилось, да вот довелось увидеть собственными глазами.

Держа перед собой самый длинный хассак, Бэда медленно двинулся к хижине.

В нос ему ударил отвратительный смрад. Сквозь щели на стенах пробивался неяркий свет. На полу валялись битые шины, пустой мех из-под вина, слежавшаяся солома, груда какого-то тряпья… Ничего себе святилище, кол в задницу этим дикарям!

Катль уже хотел выйти на воздух, но тут попавшая под ногу тряпка привлекла его внимание. Он присел и пошевелил рухлядь концом ножа. Красные, желтые, с оборками и рюшами, обрывками бантов и остатками разорванных лифов… Волосы зашевелились у него на голове: это были десятки изодранных женских платьев, частью почти истлевших, частью

совсем новых. На некоторых он увидел следы крови и опрометью бросился наружу.

И приказал себе успокоиться. Те, кто теряют голову в Боссонских Топях, теряют ее навсегда. Что ж, всем известно, что пикты совершают человеческие жертвоприношения. Возможно, здешнее племя похищает женщин, убивает их, а тела сжигает. Но тогда почему молчат мужья, почему фермеры и лучники не идут в Волчьи Холмы, чтобы уничтожить жуткое место и воздать дикарям по заслугам? Что-то тут не так…

Бэда взглянул на кострища, чернеющие между кольями. Каждое из них могло хранить пепел какой-нибудь несчастной. Может быть, пикты приносят женщин издалека? | Похищают на дорогах, в трущобах, воруют проституток, до которых никому нет дела? Чушь! Пиктам плевать, кого приносить в жертву, не станут они ради собственной безопасности унижаться до подобных экспедиций. Что-то не так, снова сказал себе Бэда Катль. А глянув вокруг, повторил то же самое. Вслух. Голоса своего он не услышал. Смрадное марево выползало из хижины и разливалось по всей поляне. Солнце было прямо над головой начинало жечь, словно в южной пустыне. Колья с нанизанными черепами колебались, как трава под водой, и тени от них тянулись к центру поляны к хижине на сваях. Колья склонялись внутрь, вытягивались, их концы стремились сомкнуться, словно… Да, теперь Катль понял, на что это было похоже: так пикты складывали погребальный костер.

Как только он об этом подумал, со стороны хижины раздался резкий скрип и мужской идол слегка повернул голову. Потом двинул ногой… Катль метнул хассак. Он целил истукану в лоб, но лезвие вонзилось гораздо выше деревянной головы — в бревенчатую стену. Снова заскрипело, огромные груди буковой женщины колыхнулись… Бэда услышал чей-то отвратительный визг, понял, что визжит он сам, и метнул второй нож…

Только продравшись сквозь густой кустарник, в клочья изодрав одежду и упав лицом в мягкий влажный мох, он признался себе в том, что пиктская волшба оказалась сильнее воли небожителей и отняла его дар.

Тогда Бэда Катль, гроза Боссонских Топей, заплакал как ребенок.

Глава девятая

— Ну, Пудолапый, лоб у тебя, видно, из железа. Я ж тебе между глаз из пращи засадил шагов с двадцати. Другой бы уже на Серых Равнинах Нергала под хвост целовал, а ты мясо жрешь, да не жуя глотаешь!

— Это у тебя лоб из железа, киммериец. Я по нему палицей стукнул, а ему хоть бы что.

— Да не стукнул ты, я уклонился.

— Нет, стукнул!

— Нет, не стукнул, оглоблю тебе в брюхо!

— Не стукнул, так сейчас стукну, варвар неотесанный!

— Э, бросьте, стукнул — не стукнул. Вон Грибу досталось — до сих пор очухаться не может.

— За грехи мои тяжкие, клянусь сосцами небесной коровы, не иначе за грехи. А ведь это я первым признал Конана, да и кричу Гарчибальду: не иначе, это наш капитан, герой-киммериец, с которым мы пиктов под Велитриумом колошматили. Только Беспалый мне кивнуть успел, как наш герой-киммериец — на! — камнем мне под дых и залепил. Больно мне, месьоры, и не так больно, как обидно.

— Ты скажи спасибо, что камешек тебя вскользь задел. Да и оброс ты так, что мать родная не признает. Тебя, барон, тоже. Всего-то баронского осталось, что щит с собой таскаешь. Молодец. Ловко ты им мои снаряды отражал.

— Благодарю за честь, месьор.

— Конан. Просто Конан-варвар, предатель и изменник. Таковым меня считают в Аквилонии.

— Но мы-то, твои старые боевые товарищи, никогда в это не поверим. Правда, месьор Гриб? Дайте ему еще хлебнуть, что-то он на бледную поганку стал похож. Да приложи к животу холодное, Пленси, твои стоны портят нам праздник. Все-таки встреча старых боевых друзей, сражавшихся под одними знаменами…

— Может быть, кто и сражался под знаменами аквилонского короля, только не Гуго Пудолапый. «Мы не будем драться с нашим бывшим командиром», — говорят эти ребята. А я сразу сказал так: не хотите, дело ваше, а старине Гуго за шлем обидно, и две тысячи золотом не помешают. Еще как! Седлаю я своего боевого коня…

— Да ты с седла-то не слезал!

— Седлаю, значит, коня и выезжаю в чисто поле. «Сдавайся, — говорю киммерийцу, — или я, Гуго Пудолапый, знаменитый и непобедимый, пленю тебя силой». Не хочет. Стали биться. Тут-то и треснул я его палицей по башке…

— Да не треснул ты меня, гора потрохов!

— Еще как треснул!

Лежа на подстилке из прелых листьев, Бэда слушал эту перепалку, наблюдая за скачущими по неровным стенам пещеры тенями четырех человек, сидевших вокруг жаркого костра. Конан и Гуго переругивались вяло, умиротворенные обильным возлиянием и жирной пищей. А ведь еще недавно готовы были сразить друг друга насмерть…

Под шум дождя, вовсю хлеставшего за сводами пещеры, Катль вспоминал, как все было.

Отлежавшись на мшистой поляне и дал впервые в жизни волю слезам, он прошел негустым сосновым лесом и вскоре оказался в каменном распадке. Чем дальше вела едва

заметная тропа, тем выше и круче становились откосы, усеянные щебнем и валунами. Солнце уже перевалило зенит и било в глаза, а он все брел и брел, сам не зная куда: только бы не поворачивать назад и снова не оказаться возле пиктского капища.

Он не отрывал глаз от тропинки и не смотрел по сторонам. И только когда огромная остроконечная тень легла ему под ноги, поднял голову.

Бэда ожидал увидеть прямо перед собой башню или утес, но увидел всадника в островерхом шлеме. Всадник неподвижно стоял в том месте, где тропинка терялась за гребнем подъема, солнце светило ему в спину, и оттого лошадь и человек казались высеченными из черного гранита.

Катль решил было, что столкнулся с очередным идолом, но тут длинное копье в руке великана опустилось, и сверкнувший серебром наконечник указал в грудь Бэды.

«Трепещи, ничтожный, — прогудел человек-гора, — трепещи и приготовься к смерти, ибо нечисть, подобная тебе, оскорбляет сияющий глаз Митры!»

Тут только Катль признал верзилу Гуго, одного из следопытов, виденных им в доме шарифа. Его рука метнулась к правому плечу, но ножны были пусты. У него оставался еще один хассак, у правого бедра, но, вспомнив, при каких обстоятельствах он лишился остального оружия, Бэда только застонал от собственного бессилия.

Не лучше ли позволить убить себя? Что остается ему, затравленному со всех сторон, лишенному последней своей защиты — дара богов?

Гремя доспехами и щитом, Гуго двинул своего тяжеловоза вниз.

«Я пригвозжу тебя, как ничтожное насекомое!» — ревел он.

Эти слова заставили Катля прийти в себя. Насекомое? Ну нет! Он пока еще не потерял своего прозвища. И если кот лишился когтей, то у него остались лапы!

Бэда метнулся вверх по склону, ловко цепляясь за редкие кусты и жесткую траву, полез на откос. Что-то свистнуло над ухом, и в землю вонзилась стрела. Бэда не сомневался, что наконечник у нее серебряный.

Он обернулся через плечо. Еще двое преследователей, возникнув словно из воздуха, бежали по тропинке с той стороны, откуда он только что пришел. В руках у Пленси Гриба был маленький лук, Гарчибальд целил в беглеца из арбалета.

«Осторожней, Гуго! — услышал Катль крик Беспалого. — Он может всадить тебе нож под забрало!»

Скурато спустил тетиву, стрела пропела в воздухе и едва не угодила Бэде в плечо. Он упал на четвереньки и пополз, прячась за валунами.

Укрывшись посреди склона, он осмотрелся и оценил свое положение. Положение было отчаянным. Далее, до самого гребня откоса, место было ровное и открытое. Если он постарается вскарабкаться наверх, стрелы преследователей найдут свою цель. Пока следопыты медлят, опасаясь его ножей, он может отсиживаться за камнями, но как только они поймут, что жертва не может оказать сопротивления, ему конец.

Катль вытащил длинный тяжелый хассак и взвесил его на ладони. Почувствовал, как дрожат пальцы, и понял, что, метни он нож, бросок не достигнет цели. Что ж, придется драться врукопашную. И подороже продать жизнь.

Шорох снизу заставил его выглянуть в узкую щель между камнями. За ближними валунами па склоне мелькнула шапка Пленси. Гарчибальда видно не было, но Бэда не сомневался, что Беспалый ужом скользит вверх за своим товарищем. Гуго маячил внизу на тропинке. Он не покинул седла и держал в руках осадный арбалет, готовясь поразить

оборотня стрелой, способной пробить насквозь тушу быка.

Катль еще смотрел в щель, когда Пленси снова выстрелил. Глубоко посаженные глаза Скурато были острые, как у стервятника, а рука точной. Левое предплечье Бэды обожгло, и, зажимая рану, он отпрянул, упав спиной на острый щебень.

«Я попал! — крикнул Гриб. — Гарчибальд, прикройся щитом и бегом вперед, пока он не очухался!»

«В атаку, братия!» — заревел снизу Гуго, безуспешно пытаясь заставить своего коня идти вверх по склону. Убедившись в тщетности этой попытки, Пудолапый с досады пустил стрелу, и она ударила в валун, едва не расколов его пополам.

Вот тут и полетели камни. Первый угодил Пудолапому в надбровный обруч шлема, и великан замахал рукой в железной рукавице, словно отгоняя комара. Его конь попятился и испуганно заржал.

Второй снаряд ударился в щит Гарчибальда. Барон сразу присел: щит у него был рыцарский, вытянутый книзу, так что Беспалому удалось прикрыть не только голову, но и задницу.

«Берегись! — отчаянно завопил он из-за своего укрытия. — У этого ублюдка праща!»

«Кого ты назвал ублюдком?! — услышал Бэда над головой чей-то голос и, повернув голову, увидел на гребне откоса ярко освещенного солнцем черноволосого человека, крутившего над головой кожаный ремень с укрепленным булыжником. — Я заставлю тебя жрать камни!»

Барон высунул из-за щита руку с арбалетом и спустил крючок. Хотя мишень была как на ладони, болт пролетел далеко в стороне.

Пленси что-то отчаянно закричал своему товарищу и тут же с громким воплем покатился вниз по склону, уронив лук и прижимая ладони к животу.

«Хватит с вас? — вопросил черноволосый грозно. — Может, ты, со щитом, хочешь драться со мной, как подобает мужчинам, один на один?»

Барон тем временем уже отступил вниз, и Пленси, сидя на земле, что-то ему втолковывал. Гуго все еще крутил башкой, ничего не видя после удара, смявшего надбровник его шлема.

Нежданный спаситель ловко спустился к валунам, за которыми лежал Бэда, и присел рядом. От него крепко пахло потом и вином.

«Кто ты?» — спросил он, внимательно разглядывая раненого.

«Меня зовут Катль, — ответил Бэда, — почему ты меня защищаешь?»

«Не люблю, когда трое на одного, да еще безоружного, — осклабился черноволосый. — Катль… Я слышал это имя. Не тот ли ты Катль, который убил Черного Джока? Если так, где твои знаменитые ножи?»

«А ты, видно, разбойник из Волчьих Холмов…» — начал было Бэда, но тут снизу донеслось: «Капитан! Мы узнали тебя, Конан-киммериец!»

«Вот и представились, — усмехнулся черноволосый пойду гляну, что это за негодяи зовут меня капитаном…»

Вспоминая сцену встречи старых боевых друзей, Бэда усмехнулся. Не окажись Пленси столь дальнозорким, бывшие знакомцы могли легко прикончить друг друга. Впрочем, Гуго, не принадлежавший к их компании, немного очухавшись, не успокоился и тут же потребовал удовлетворения за порчу шлема, который, по его словам, был позолоченным и некогда принадлежал древнему ахеронскому герою.

Конан осведомился, как Пудолапый предпочитает биться: пешим или конным?

Гуго важно заявил, что никогда не дерется пешим, а седло покидает только для того, чтобы пожрать и выпить.

Киммериец свистнул, и тут же прискакал неоседланный гнедой красавец, на спину которого варвар взлетел с ловкостью истинного дикаря.

«Если уж вы хотите драться, — сказал барон, — надо делать это по всем правилам. Во-первых, найти ровную площадку, чтобы противники могли разъехаться на должное расстояние для атаки. Затем — выбрать оружие. У тебя, Пудолапый, целый арсенал, а у Конана только меч за плечами. Так что выбирай что-нибудь одно: копье, палицу или свой Трипамадор».

«Может, хочешь на кулачках?» — хмыкнул киммериец.

Гуго смерил его презрительным взглядом и молча поехал вверх по тропинке, Конан распорядился перевязать Бэду и забрать его с собой.

«Я беру этого человека под свою защиту, — сказал он, — ' пока вы мне не объясните, чем он так провинился».

Поединок состоялся на широкой прогалине за гребнем распадка. Катль, сидя у поваленного дерева, наблюдал, как сошлись врукопашную два богатыря, достойные друг друга. Гуго выбрал палицу, Конан обнажил меч. Они погнали коней навстречу и сшиблись так, что земля задрожала. Красное облако пыли скрыло противников, а когда они развели коней, чтобы перевести дух, железные рукавицы Пудолапого были пусты, а киммериец сжимал только обломок меча. Лоб варвара украшала свежая ссадина.

Барон выступил вперед и торжественно, словно то был настоящий рыцарский турнир, возгласил: «Ввиду того, что Противники лишили друг друга оружия, они могут завершить поединок к общему удовлетворению и без ущерба для собственной чести!»

«Зуб Нергала тебе в кишки, — прохрипел киммериец, — ты сломал мне добрый меч!»

«Не более добрый, чем мой шлем, — так же хрипло отвечал Гуго, облизывая пересохшие губы, — Хоть ты и стоишь две тысячи золотых, но я больше ценю хорошую драку, чем подачки аквилонского короля. Я удовлетворен, и если вы принимаете меня в свою компанию, не худо бы отыскать какую-нибудь ферму, чтобы зажарить барана и вышибить дно у винной бочки».

«Две тысячи золотых? — переспросил Конан удивленно. — Так вы охотитесь не за Катлем, а за мной?»

«Мы охотимся за оборотнем, — объяснил Гарчибальд, — а по твою душу из Аквилонии прибыл отряд во главе с неким месьором Драганом. Сейчас они движутся к Волчьим Холмам, чтобы обыскать их до последнего камня».

«Ладно, — сказал Конан, — считайте, что смогли распалить мое любопытство. Приглашаю всех в свою берлогу. Кстати, там найдется чем набить брюхо и утолить жажду».

Глава десятая

— Одно меня удручает, — сказал Гуго, сыто рыгнув и утерев лоснящиеся губы, — мои дорожные расходы. Из Орисконти сюда путь неблизкий, а я рассчитывал получить от тарифа Партера мешок монет за голову волколака. Может, ты все же оборотень, а, парень?

— Эй, — сказал Конан, — он жрал твой чеснок?

— Ну жрал…

— Надевал ему Гриб на пальцы кольца Иштар? Вешал на шею лапки зайца? Давал подержать корень мандрагоры?

— Ну надевал, вешал, давал…

— Так каких доказательств тебе еще нужно? Ни один оборотень не выдержит подобного испытания. Да если бы Катль был волколаком, у него рука бы отсохла. Наконечник-то стрелы, которой его Пленси ранил, был серебряным.

— Может, еще отсохнет, — сказал упрямый Гуго. — Может, он не простой оборотень, а оллах.

— Это ты брось, — сказал барон, — чтобы стать оллахом и по своему усмотрению, когда захочешь, менять обличье, надо не один десяток лет служить темным богам. А Катля многие знают, он в Боссонских Топях всегда на виду был, а потом на каторге в Немедийских горах горбатился.

— Тогда кто тарифу грудь подрал? — не унимался Пудолапый. — Ты подрал, а, парень?

— Нет, — сказал Бэда.

Он все еще не доверял этим людям: ни следопытам, совсем недавно собиравшимся его прикончить, ни киммерийцу, которого хотел убить сам. Поэтому старался держать язык за зубами.

— Шариф Партер — старая лиса, — задумчиво произнес Конан, разглядывая пустое дно своей кружки, — сдается мне, не все так просто, как вы тут рассказываете. Ну не хочет он Катля в зятья, так подослал бы убийц, чего огород городить. Значит, скребет что-то грудь старику, да не снаружи, а изнутри. Значит, какая-то волчара по округе все же бродит…

— О том многие говорят, — вставил Гриб, с трудом ворочая языком, — тварь скот режет и людей пугает… Да вот хоть фермер этот давеча рассказывал… Как бишь его?

— Баткин, — подсказал Гарчибальд.

— Волк, говорит, его за мужскую гордость прикусил. Несильно, правда, ничего не попортил, но пугнул изрядно.

— Я знаю этого Баткина, — сказал Конан. — И брата его Стайва знаю. Трусливые людишки. Я у них на ферме харчился, благо рядом, так они на меня засаду устроили. Пришлось Стайву этому физиономию попортить.

— А он тебя за Черного Джока принял! — расхохотался барон. — Кстати, капитан, откуда у тебя Ситец?

— Ситец? — варвар недоуменно оглядел свою потертую одежду. — Мне больше нравится кожа.

— Ситец — это жеребец покойного Джока. Ты на нем ездишь.

— Надо же, — Конан подлил себе вина, — а я и не знал. Встретил тут как-то одного парня. Он был верхом, я на своих двоих. Несправедливо вроде бы. Потолковали, он и уступил мне конягу. Только он ее по-другому величал, а я никак не зову. Значит, братец фермера

решил, что Черный Джок вернулся с Серых Равнин?

— Вроде того. Баткин шарифу жаловаться приходил, помощи просил: холмы прочесывать. А у Партера свои виды…

— Я на баткинской ферме не только харчился, — ухмыльнулся киммериец, — но и, бывало, ночевал на чердаке. Эти дурни и не ведали, какой тать у них над головами таится. Дом у них захудалый, щели в потолке, а сквозь щели многое слышно. Так что я в курсе всех сплетен. И вот что меня удивляет: шариф нынче скачет, что блоха, а ведь больной старикашка, и лекарь от него не отходит…

— Ну, лекарь, положим, дочку шарифову пользует, возразил Гарчибальд, — она, говорят, от несчастной любви занедужила. Как Бэду на каторгу сослали, так с ней это и приключилось.

Варвар хмыкнул.

— Вы, парни, недавно в Либидуме, а я, считай, здешний, три месяца в Волчьих Холмах хоронюсь. Знаете, что люди болтают? Что девчонку Партерову никто больной не видел, бодра и весела, и мотыльком порхает. А вот шариф сдал. Припадка у него, сказывают, случаются, и все больше ближе к полнолунию.

Следопыты удивленно помолчали, только Гуго пробормотал что-то невнятное, догрызая баранью кость.

— Ты на что намекаешь, Конан? — спросил Пленси.

— У тебя голова есть, сам думай. А чтобы легче было, скажу, что знавал когда-то лекаря, именующего себя Страдинадо. Служил я тогда наемником у короля Зингары, который чуть было меня не повесил, но это к делу не относится. Так вот, Страдинадо лечил одного нашего офицера, которого покусала бешеная собака. Очень большая и очень бешеная собака. А может, и не собака. Разное болтали…

— Ты вот что, — пробасил тут Пудолапый, шаря вокруг в поисках винного меха, — ты говори яснее. Я так думаю: ежели волколак есть, его надо убить. Но если оборотень — сам шариф, то от кого мы получим награду?

— Давайте подсунем Партеру корень мандрагоры, — предложил Скурато.

— А я сейчас вспоминаю, — сказал Гуго, — что Партер этот все меня сторонился, когда мы с ним болтали. Не меня, видать, сторонился, а чесночного запаха…

— Так что же получается, — растерянно сказал Пленси, — шариф сам на себя охотится?

— Как говорят книжники — парадокс, — заметил барон.

— Охотится шариф за Катлем, — Конан кивнул на притихшего Бэду, — но Катль — подсадная утка. Ежели бы вы его прикончили, Партер отвел бы от себя подозрения, а там, глядишь, зингарец и избавил бы шарифа от недуга. Так я предполагаю. Но кое-что не сходится. Уж больно разное болтают об этом волке. Вот если бы порасспросить того, кто его видел…

— Я его видел, — подал голос Бэда.

Гарчибальд Беспалый поперхнулся вином и закашлялся.

Пленси Скурато принялся мучительно икать.

Гуго Пудолапый зарычал и так сдавил мех, что струя вина ударила в потолок пещеры.

Только Конан остался совершенно спокоен.

— Говори! — потребовал он.

И Бэда рассказал о своем ночном видении. Он старался не сболтнуть лишнего, но его словно прорвало, и он поведал о страшных зеленых глазах, горевших холодной злобой на

морде, напоминавшей медную маску, о пиктском капище, о тряпье в бревенчатой хижине, о странных тенях и оживших идолах, которых он пытался поразить своими кожами. Что из этого вышло, он тоже не смог утаить.

Следопыты притихли. Рассказ Катля произвел на них должное впечатление. Каждый из них не раз бывал за Черной рекой. А за Черной рекой много пиктских идолов и святилищ, и что это такое, Гарчибальд, Пленси и Гуго отлично ведали.

И недоуменно уставились на Конана, когда тот, усмехнувшись, пожал плечами.

— Я знаю это место, — сказал киммериец, — и колдуна Белое Ухо знаю. Хороший пикт, полное ничтожество. Спился вконец, маски режет и продает, а на вырученное брагу покупает. Думаю, лоскуты, которые Бэда видел, ему для масок и надобны, для украшения.

— Пикт? — пробасил Гуго, — Капище в трех лигах от форта? Как такое возможно?

— Ты, наверное, знаешь, на что способны пиктские шаманы, — ответил Конан. — Они хорошо понимают камни и могут расставить их так, что никто не пройдет к святилищу. Не могу сказать, почему Катль там оказался, может быть, случайно. А местечко и впрямь жуткое, хотя заслуга в том не нашего колдуна, а его предков, ведавших как ладить с темными силами.

— Но ты-то как с ним познакомился? — подозрительно спросил Пудолапый.

— Не я с ним, а он со мной. Случилось так, что аквилонские ищейки почти настигли меня на границе Боссонских Топей. Я смог уйти, но был ранен, и здесь, в Волчьих Холмах, найдя подходящую пещеру, решил отлежаться. Рана моя оказалась намного серьезней, чем я думал, и Серые Равнины замаячили вполне отчетливо. Сколько провалялся в беспамятстве — сказать не могу, только Нергал зря готовил свои вилы: кто-то помог мне выкарабкаться. Помню, очнувшись, почувствовал, что глотка пылает жарким огнем, а по губам течет огненная жидкость… Я протянул руку и нащупал что-то мохнатое и теплое. А когда снова пришел в себя, увидел краснорожего старика, который принес мне мяса. Это был пикт Белое Ухо в меховой безрукавке до колен, подпоясанной кожаным ремнем. Думаю, в нее-то я и запустил пальцы, когда меня поили целебным зельем.

— Поразительно! — воскликнул Гриб, столь удивленный рассказом варвара, что даже перестал икать. — Пикт спасает киммерийца!

— Я бы сказал, что мало верится в великодушие пиктов по отношению к кому бы то ни было, — задумчиво молвил Гарчибальд. — Им что киммериец, что зембабвиец — все едино. Как объяснил Белое Ухо свой странный поступок?

— А никак, — ухмыльнулся Конан. — Мы почти не разговаривали. Колдун наведывался и впоследствии, и даже оказал мне честь, пригласив в свое жилище, но, думаю, небескорыстно. Когда я окреп и стал делать ночные визиты окрестным фермерам, Белое Ухо всегда получал свой кувшинчик вина.

— Дикарь дикаря нюхом чует, — пробурчал Гуго, — ты, киммериец, хоть и был аквилонским капитаном, а якшаешься Нергал знает с кем.

— Предпочитаю перегар запаху чеснока, — парировал Конан. — Ты мне надоел, Пудолапый, и оборотни уже тоску нагоняют. Если охота — сами головы ломайте, что тут к чему. Может, и нет никакого волколака, а может, их тут целый выводок бродит. Один, с медной мордой — среди черных камней, другой — на ферме у Баткина, а третьего я и сам видел…

— Видел?! — хором вскричали следопыты. — Ты тоже его видел?

— Да крутился какой-то зверь при колдуне пиктском, пару раз с ним являлся. Только

ничего жуткого я в нем не приметил. Симпатичная даже волчара, шерсть белая…

Следопыты потребовали подробностей. Конан послал их к Нергалу. Гуго возмутился и напомнил, что они здесь не для того, чтобы вино хлебать и мясо трескать, а по делу. Киммериец заметил, что их дело — это их дело, а у него есть забота поважнее. И если Гуго, Гарчибальд и Пленси помогут ему разобраться с аквилонскими вояками и месьором Драганом, он, возможно, поохотится с ними хоть на оборотня, хоть на оллаха. Пудолапый хотел было бросить Конану свою железную перчатку, не нашел ее, прикончил вино и вступил в боевой союз против аквилонцев.

Пленси робко поинтересовался, как капитан собирается разгромить силы противника, имеющего численное преимущество и отряд боссонских стрелков в резерве.

— Боссонцев надо уговорить выступить на нашей стороне, — сказал Конан. — Пошлем к ним барона Гарчибальд подумал и кивнул:

— У них командиром Нанц Рослый, он тоже дрался под Велитриумом.

— А месьору Драгану устроим славную ночку, — ухмыльнулся варвар, доставая из-под кошмы запасной меч. — Они наверняка разобьют лагерь неподалеку, и я знаю где. Сделаем так…

Когда киммериец кончил излагать свой план, тучи разошлись, и блики вечернего солнца весело заиграли на мокрых камнях.

Глава одиннадцатая

Месьор Драган заложил за воротник камзола атласный платок, украшенный его монограммой (в центре) и изображениями пышнохвостых павлинов {по углам), достал из парчового чехольчика серебряные вилку и нож, осенил лицо круговым движением ладони (в честь Митры Пресветлого) и приготовился к вкушению ужина и продолжению приятной беседы.

В шатре, разбитом на сухой поляне посреди сосновой рощи, был установлен стол, покрытый алой, с бахромой и кистями скатертью, складные кресла, походные сундуки и бронзовые подставки, в которых горели факелы. Весело потрескивал огонь, дым струйкой сочился в отверстие, устроенное в центре матерчатой крыши. За пологом входа навытяжку стояли два аквилонца с мечами наголо, охраняя покой своего командира.

Командир же наслаждался приятнейшим обществом юной дамы Эллис, чье свежее личико светилось между мрачных усатых физиономий двух сержантов, приглашенных на ужин, дабы соблюсти приличия.

— Да, приличия, — разглагольствовал Драган, аккуратно беря вилку в левую руку, — что ни говори, но мы, аристократы, должны подавать пример своим поведением. Митра лепил людей из разного материала, и нашему сословию достался самый изысканный и благородный. Если хочешь обедать за королевским столом, умей пережевывать пищу не чавкая и вовремя утирать рот платком. Но я вижу у вас нет столового прибора? Разрешите предложить запасной…

— Я не голодна, — отвечала Эллис, — съем, пожалуй, только фруктов. А если мне нужно будет что-нибудь разрезать, поверьте, найдется чем…

— О, простите, — галантно привстал рыцарь, — я запамятовал, что вы бываете в этих диких землях лишь наездники, а большую часть времени проводите в замке своего дядюшки-виконта в Аквилонии. Не сомневаюсь, что за его столом едят по всем правилам. Ваш отец поступает весьма мудро, отправляя дочь на воспитание в благородное семейство. Эллис поморщилась, но Драган этого не заметил.

— Хотите потешу вас историей о превратностях куртуазных наук? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Случилось так, что дама моего сердца, путешествуя по Немедии в сопровождении лишь небольшого отряда верных слуг, была похищена неким злодеем, имя которого недостойно даже упоминания. Верный рыцарскому долгу, пустился я в путь, дабы вызволить ее и заслужить благосклонный взгляд. При мне был оруженосец и два верных товарища со своими подручными. Мы были в двух дневных переходах от 'замка похитителя, когда, проезжая по некой мрачной местности, попали в узкое ущелье и были остановлены ранее скрытыми и нежданно натянутыми цепями позади и впереди нас. Какие-то люди числом дюжин в пять окружили нас и приказали немедленно следовать за собой.

Я хотел принять бой, но мои товарищи упросили этого не делать, дабы не сложить понапрасну головы. Тем более что нас не понуждали сдаться и сложить оружие, а призывали исполнить старинный обычай и нанести визит местному месьору, хозяину тех земель.

Последовав за вассалами, мы вскоре прибыли к замку, являвшему собой вид удручающий, если не сказать убогий. Всего одна башня, окруженная толстой стеной, сложенной из неровных камней, без амбразур, с огромными зубцами наверху. Ров был узок и завален мусором, механизм моста: так проржавел, что его использовали не каждую ночь, а

лишь при появлении неприятеля. Словом, будь у меня под рукой лишь небольшое войско, я взял бы это убежище за время, надобное воробью, чтобы склевать пригоршню зерен.

Владел сим строением некий Лохтер Тугоусый. Он принял нас в низкой зале, устроенной в первом этаже башни, возле огромного камина, в котором горел целый дуб. Верх очага был украшен копьями, алебардами и грубыми рельефами с гербом владельца, но эти украшения были массивны и неискусны и не могли ласкать глаз, как чудные скульптурные произведения нашей Аквилонии, где все так тонко, изящно и художественно…

При этих словах Эллис незаметно зевнула, прикрыв рот ладошкой. Месьор Драган, занятый сложным процессом разделывания с помощью ножа и вилки куриной ножки, продолжал, не отрывая глаз от тарелки:

— В зале стоял огромный стол, полы устилал сухой камыш, и бегали многочисленные собаки. Лохтер угостил нас кабаном, причем мы были вынуждены отрезать ножами куски от целой туши. Вино, довольно кислое, подавали в кожаных кружках, размером с ночную вазу…

— Какой ужас! — воскликнула Эллис.

— Простите, если оскорбил ваш слух этим сравнением, — поднял глаза аквилонец, — мне не следовало упоминать сей предмет в присутствии дамы. Что делать, даже самые утонченные сердца грубеют от походной жизни. Еще раз простите.

— Охотно прощаю вас, месьор рыцарь, — проворковала девушка, — хотя меня потрясло не ваше сравнение, а размеры посуды, из которой вам пришлось пить вино. Вы, наверное, привыкли к серебряным бокалам…

— Серебро, хрусталь, кхитайский фарфор — каждому напитку должна соответствовать своя посуда. Только варвары способны пить из одной чаши и брагу, и пуантенское. Но самым ужасным во время нашего пребывания в замке Тугоусого было вовсе не это. Истинным кошмаром, сравнимым лишь со стигийскими изображениями темных богов, был сын хозяина.

— Он оказался уродом?

— Не то чтобы уродом, хотя и красавцем этого юношу я бы не назвал. Как у всех немедийцев, лицо у него было бледное и тупое. Суть дела не в этом. Имея в Аквилонии каких-то дальних родственников, Лохтер вознамерился устроить через них своего отпрыска ко двору короля Нумедидеса, дабы там этого недоросля посвятили в рыцари. Идея весьма бредовая, и мы стали заложниками мании Тугоусого.

Я и мои товарищи оказались гостями-пленниками. Нас кормили до отвала и поили допьяна, но со двора не выпускали, и двери наших комнат на ночь запирались снаружи. Условием же освобождения Лохтер, узнав, что я вхож во дворцы Тарантии, поставил следующее: обучить его сына хорошим манерам, о которых сам хозяин замка имел весьма смутное представление.

Делать нечего, пришлось взяться за воспитание отрока. Для начала я вручил ему свой резервный столовый прибор и постарался научить не хватать мясо руками. Но он все время колол себе пальцы и губы вилкой, так что пришлось вырезать деревянную, с тупыми концами, и за две седмицы сей рекрут куртуазности научился попадать ею в кусок на тарелке.

Потом я научил его сморкаться в платок, нюхать мускусные яблоки и не поминать при дамах Нергала и всех демонов преисподней. Через месяц он уже умел шаркать ножкой и заучил пару строф из Кольера…

— Простите, что вас перебиваю, — вставила Эллис, — но мне кажется, войдя во вкус

педагогики, вы забыли о цели своей экспедиции.

— Ни на миг, моя красавица! Сердце мое разрывалось от воспоминаний и рвалось сквозь прутья решетки на окне моей кельи. Но что поделать, судьба бывает сильнее нас, к надо уметь ей покоряться. Кроме того, Лохтер Тугоусый обещал неплохую плату за мой скромный труд, и я намеревался использовать золото для выкупа своей дамы, если бы мне не удалось отвоевать ее силой.

— Похвальная предусмотрительность, — кивнула девушка, пряча улыбку, — И чем же кончилась эта история?

— О, я полностью преуспел в деле обучения, и наследник Лохтера отбыл в Аквилонию. Мы же отправились дальше и ясным осенним днем достигли намеченной цели.

— Вы освободили свою даму?

— Увы, я опоздал. Злодей, имя которого недостойно упоминания, склонил несчастную, и она отдала ему если не сердце, то руку. Раздосадованный, я вынужден был вернуться в Тарантию, где старался забыться, усердно служа короне. Но вы, мое дитя, должны меня понимать, как никто другой, ибо ваш возлюбленный нанес вам подобную рану… Кстати, что говорят эти грубияны Гарчибальд и Пленси? Они обнаружили следы беглеца, имевшего наглость покушаться на жизнь вашего достойного родителя?

— Нет, ни человеческих, ни волчьих.

Драган презрительно скривил тонкие губы.

— Странно. Сегодня ночь полнолуния, так что Катлю пора бы обрастать волчьей шкурой, если он не сделал этого раньше. Признаюсь, всегда считал легенды о волколаках сказками, а славу боссонских следопытов весьма преувеличенной. Они ничего не нашли! А я, аквилонец, обнаружил в холмах стоянку изменника, пещеру, в которой еще теплились угли. Беглец неподалеку, и ему никуда не деться, так как отсюда только один путь среди болот — тропа, ведущая в Долину Волчьей Пасти. Среди боссонских лучников есть два бывших охотника, они помогут мне не потерять след.

— Разрешите спросить вас, месьор рыцарь…

— О чем угодно, дорогая, о чем угодно!

— Почему его величество счел нужным послать за этим человеком вооруженный отряд? Считается, что любой преступник, пересекая границу Боссонских Топей, получает отпущение и может в борьбе с пиктами кровью искупить прежние грехи.

Лицо Драгана сделалось каменным.

— Это изменник, предавший короля и подло его обманувший! — воскликнул аквилонец грозно. — Таким нет прощения, и я поклялся, что доставлю его в Тарантию живого или мертвого, если сам не погибну. Это дело чести, прекрасная дама, рыцарской чести!

Эллис улыбнулась и слегка надкусила сочное яблоко.

— Что ж, вы меня убедили. Клятвы, так или иначе, надо исполнять. Разрешите мне сейчас удалиться, ибо отец мой неважно себя чувствует и за ним нужен пригляд. Но напоследок, в благодарность за ваш увлекательный рассказ, хочу тоже поведать одну маленькую и весьма куртуазную историю.

— С удовольствием послушаю.

— Мой дядюшка как-то решил устроить завтрак на свежем воздухе. Съехалось много приглашенных, в том числе и одна юная пара, оруженосец и его возлюбленная. Все знали, что они сгорают от страсти, поэтому не слишком обеспокоились, когда парочка сразу же куда-то исчезла. Общество весьма чинно пировало за накрытым на поляне столом, когда

форейтор решил отогнать стоявший напротив экипаж. Каково же было удивление кавалеров и дам, когда взорам их предстали два юных существа, скрытых доселе колесами повозки…

— Что же они делали? ~ спросил аквилонец машинально.

— Пихались, что же еще!

Драган поперхнулся кусочком куриной плоти, и лицо его побагровело.

— Хм, — сказал он, — как?

— О, да я вижу, вы не знаете этого боссонского словечка. Они совокуплялись, месьор, и взорам публики явилась розовая попка виконта и прелестные ножки его возлюбленной, задранные к небу… Если у вас сперло дыхание, попросите сержанта постучать вас по спине, а мне пора.

— Я провожу, — едва выдавил рыцарь.

— Не стоит беспокоиться. Если ваша солдатня вздумает хватать меня за ноги, я сумею за себя постоять.

И тонкой изящной рукой девушка извлекла откуда-то из складок платья большой железный нож с грубой рукоятью. Взяла из вазы орех, положила на стол и расколола точным ударом тяжелого лезвия. Затем, не говоря больше ни слова, вышла из шатра.

Некоторое время мужчины сидели молча, потом один из сержантов, тот, что помоложе, загоготал.

— Ай да баба! — воскликнул он, хлопая себя по ляжкам. — Что за история, Нергал меня задери!

— Заткнись, Гайвор, — приказал Драган, — или я пересчитаю тебе зубы. Хотя, ты прав, клянусь прелестями Иштар эта женщина произвела на меня впечатление. Ставлю сто золотых, что не далее чем послезавтра она станет моею!

— Если раньше не вспорет твое брюхо своим тесаком! — хохотнул второй сержант.

— Сто пятьдесят!

— Идет, командир, только пиши расписку: в случае чего получим у твоего душеприказчика.

Когда рыцарь вышел на свежий воздух, сердце его стучало тяжело и часто. Женщина бросила ему вызов, и он его принял. Дикая, страстная боссонская сучка-Полная луна поднималась из-за темных ветвей сосен, С ближних болот доносилось уханье и какой-то шелест. Драган был доволен собой. Охотники отыскали пещеру Конана, они взяли след беглеца, который имел неосторожность вступить на тропу, ведущую в каменный мешок долины со зловещим названием. Завтра они его настигнут, никуда не денется. А пока можно и передохнуть на единственном сухом и удобном месте, где он приказал разбить лагерь. Его люди сидели вокруг костра, попивали винцо и закусывали. Пусть расслабятся, завтра трудный день.

Шариф со своей рванью разбил стоянку поодаль. Там тоже пылал костер, звенели чарки, и несколько луженых глоток нестройно орали песню боссонских охотников за оборотнями:

Тело, повиснув на деревяшке,
Станет подобно ничтожной букашке,
Коих мужи, от рожденья убогие,
Колют булавками в доски дубовые.
Так и герой, над волшбою всесильный,
Нечисть разит чесноком и осиной!

С нами Мардук! С нами Мнрдук!
Каждому оллаху — в задницу сук!

«Не оллаху, а олуху, — злобно подумал Драган. — Всех бы вас, ублюдков, на кол».

Он собирался проверить посты и уже шагнул когда какой-то странный звук, долетевший сверху, привлек его внимание. Огромная ветвь отделилась от ствола ближней сосны и, чернея на фоне лунного неба, как крыло огромной птицы, стремительно понеслась прямо к шатру. Драган едва успел отскочить в сторону, когда тяжелый сук рухнул на матерчатые стены, смяв их и обрушив внутрь. Раздались вопли, ткань занялась от пламени факелов, и остатки шатра в один миг превратились в сноп яркого огня.

Аквилонцы вскочили и поспешили на помощь своему командиру, думая, что он остался внутри… И стали один за другим проваливаться под землю. Поляна наполнилась воплями и предсмертными хрипами, несущимися словно из преисподней.

— Назад! — заорал Драган во всю силу легких. — Ловушка! Здесь волчьи ямы!

Откуда взялись ямы на поляне, исхоженной только что. вдоль и поперек, он подумать не успел.

Со стороны лагеря боссонцев тоже послышались шум и вопли.

Огромная тень метнулась к кустам, за которыми начинались болота. На мгновение существо оказалось в полосе лунного света, сверкнув медным отливом, и скрылось.

— Пикты! — кричал кто-то. — Там, в болоте, пикты!

Аквилонцы сгрудились у своего костра, боясь сделать шаг в сторону и угодить в ловушку. Боссонские стрелки и люди тарифа беспорядочно посылали в кусты стрелы из луков и арбалетов.

Глава двенадцатая

Но откуда они взялись? — воскликнул Пленси Скурато, горестно почесывая бородавку на остром носу. — Надо же, мы могли покончить с аквилонцами уже прошлой ночью, а пришлось снова стать их союзниками против дикарей!

— Мы вовсе не собирались уничтожать аквилонский отряд, — напомнил Конан, — Ям было всего две, и люди Драгана не настолько глупы, чтобы валиться в них стройными рядами. Правда, если бы бревно накрыло в шатре их командира, аквилонцы повернули бы назад. Во всяком случае, я на это надеялся.

— Все сработало как нельзя лучше, — кивнул Гриб. — Хотя Драган и уцелел, оба его сержанта погибли. Шуму было много, королевские вояки напуганы… Мне приходилось видеть в действии пиктские ловушки, но, признаюсь, никогда не мог уразуметь их механику.

— Система веревок и противовесов. — Киммериец отложил в сторону точильный брусок и внимательно оглядел лезвие своего меча. — Дергаешь за один конец, груз срывает укрепленное на дереве бревно, а то, в свою очередь, тянет скрытые веревки, раздвигающие под слоем дерна жерди волчьих ям. Ямы старые, я лишь слегка их подновил да укрепил колья. Сколько аквилонцев туда угодило?

— Человек восемь. Только двое остались живы. Их вместе с другими ранеными фермеры забрали с собой в Либидум.

— Значит, все люди тарифа вернулись в форт?

— Кроме одного паренька по имени Лесс. Сказал, что мечтает познакомиться с героем Тусцелана. Мы оставили его возле моста следить за аквилонцами.

— А месьор Драган отважно идет вперед…

— Рыцарь уверен, что ты снюхался с пиктами, и поклялся отомстить хотя бы ценой собственной жизни.

— Настоящий герой. Хотя он больше надеется на стрелы боссонских лучников, чем на собственный меч. Думаю, месьор рыцарь будет несколько озадачен, когда эти стрелы полетят в его воинов. Повтори-ка, что сказал Нунц Рослый.

— Когда Гарчибальд сообщил ему, за кем охотится Драган, Нунц задумался. Он хорошо помнит тебя, Конан, но человек он осторожный и предан Бранту. Если бы он напал на аквилонцев без видимых причин, это вызвало бы осложнения между губернатором Тхандары и властями метрополии.

— Я это учитывал. Потому и не остался с вами там, на поляне. В случае нашего открытого нападения Нунц со своими стрелками стал бы защищать королевских ищеек.

— Совершенно верно, — кивнул Пленси, — но если аквилонцы первыми нападут на людей шарифа, а мы с Пудолапым таковыми считаемся, Нунц встанет на нашу сторону…

— Ваши планы слишком мудрены для моего разумения, — пробасил Гуго, разгребая палкой тлеющие угли костра. Это был уже третий костер из тех, которые они разжигали, отступая в глубь долины, чтобы следы стоянок не оставляли у преследователей сомнений: дичь близка, — Давайте сделаем так: я атакую аквилонских ублюдков в центре, а вы ударите с флангов…

— Ты, Пудолапый, конечно, один стоишь целого войска, — откликнулся Гриб, — но не забывай все же, что нас только трое, а у Драгана почти сотня воинов.

Гуго пожал плечами:

— Ну, может, троих и маловато. Не понимаю, зачем Гарчибальду понадобилось оставаться с боссонскими лучниками. Щит и меч у барона хоть и не так хороши, как мои, но сейчас пригодились бы.

— Как говорится: «Союзнику доверяй, да приглядывай», — хмыкнул киммериец, возвращая наточенный клинок в заплечные ножны. — Беспалый проследит, чтобы Нунц не передумал. И потом, даже четверо против сотни — это для героических баллад, а не для настоящей схватки.

— И Бэда ваш сбежал, — проворчал Пудолапый. — Подозрительный парень. Может, и не оборотень, а подозрительный…

— Катль отправился искать невесту, его понять можно. Что ему было еще делать, когда вы рассказали, что девчонку и тарифа ночью похитили пикты. Или не пикты, в темноте все кошки серы…

— Как же, не пикты, — возмутился Гриб, — я сам каменный топор видел, который у одного парня между лопаток засел. Кто еще каменными топорами швыряться станет? Что же касается кошек, то их точно не было. А был здоровенный волк: промчался через поляну, сбил с ног пятерых и канул в кусты. Мы было за ним сунулись, а там болото, а в болоте — дикари. Метнули в нас свои дротики и растворились, словно призраки. А когда мы к костру вернулись — ни шарифа, ни Эллис там уже не было. Фермеры до того перепугались, что решили вернуться в Либидум, а мы с Пудолапым сюда подались.

— А может, шариф исчез еще до того, как волк появился? — спросил Конан мрачно.

— Да кто же теперь вспомнит, переполох был изрядный…

— Я тоже эту зверюгу видел, — сказал Гуго. — Большой волк, и шерсть у него блестит, что доспех начищенный… Ба, да не о нем ли Катль толковал?!

— Может, и о нем, — сказал Конан, — только что гадать попусту, у нас дело поважней есть. Пока вы с ночными видениями бились, мы с Бэдой долину эту излазили, и я прикинул, как лучше аквилонцев встретить. Поднимайтесь, вояки, пора осматривать нашу крепость.

Они растреножили коней, Пленси уместился позади киммерийца, и всадники двинулись в путь.

Долина Волчьей Пасти представляла собой бесплодную. котловину, окруженную довольно крутыми откосами, на гребнях которых, словно зубы, торчали неровные камни. Может быть, их вид и надоумил первых поселенцев дать этому месту столь зловещее название.

Долина постепенно сужалась, оканчиваясь тесным ущельем, сжатым отвесными каменными стенами. Возле горловины высилось некое древнее сооружение. Это были три огромных камня, черных, растрескавшихся от времени, исхлестанных дождями и ветрами. Два монолита стояли вертикально, словно колонны храма, третий лежал сверху, образуя гигантский портал, ведущий в никуда. По бокам этих мрачных ворот темнели большие каменные чаши, а между опорами был насыпан земляной вал в рост человека, осыпавшийся и поросший чахлыми кустами.

— Отличное укрытие, — кивнул киммериец в сторону постройки. — Дождемся аквилонцев, ввяжемся в драку, а потом отступим под защиту этих камней. Из-за вала можно отстреливаться, а там и лучники в тыл королевским собакам ударят.

— Две вещи мне более всего не по нраву, — прогудел Пудолапый, настороженно озираясь по сторонам, — отступление и постройки древних колдунов. Плохое это место, нутром чую.

— Плохое не плохое, — сказал Пленси, — а другого нет, и спрятаться больше негде.

— Не люблю засады, — сказал Гуго упрямо.

— Тогда какой же ты следопыт?

— Да не хуже тебя, плюгавый!

Конан пресек этот спор, напомнив, кто здесь главный. Пудолапый хотел было что-то возразить, но тут Пленси воскликнул: «Всадник!»

Облачко пыли катилось по дну долины, и вскоре юный Лесс осадил возле них взмыленную лошадь.

— Аквилонцы! — прокричал он, еще не успев соскочить с седла. — Они перешли мост над Темным Провалом, а потом мост сгорел! Боссонцы отрезаны и возвращаются в Либидум!

Глава тринадцатая

Птицы во всю распевали утренние песни, первые солнечные лучи золотили вершины скал, и месьор Драган, уверенной рукой направляя коня по каменистой тропинке, пребывал в боевом расположении духа.

А ведь еще недавно гнев, злоба и отчаяние душили рыцаря. Двое его сержантов сгорели заживо, шестеро воинов погибли, пронзенные кольями в волчьих ямах, еще трое были убиты пиктами. Драган не сомневался, что ночное нападение устроил Конан, вступивший в сговор с дикарями. Чего еще ожидать от гнусного предателя? Теперь только черноволосая голова варвара, брошенная к трону Нумедидеса, послужит оправданием потерь, которые понес аквилонский отряд.

В том, что настигнет и убьет киммерийца, Драган не сомневался. Тем более сейчас, когда рядом, стремя в стремя, ехала Эллис, обеспокоенная судьбой отца и готовая провести аквилонцев в Долину Волчьей Пасти кратчайшей дорогой: через мост над Темным Провалом.

Девушка нашла командира королевских воинов, когда полная луна уже опустилась за темные болота. Куда девались ее задор и вызывающее поведение? Она была просто перепуганной девчонкой, ищущей мужского покровительства. Упала на грудь рыцаря и оросила его кольчугу обильными слезами. Заламывала руки и умоляла помочь, умоляла немедленно пуститься в погоню и отбить шарифа у похитителей. И, полагал Драган, была готова заплатить любую цену…

Что ж, он предлагал Эллис свой меч и сдержит обещание. Удел истинного рыцаря — служить прекрасной даме. Тем более что хваленые следопыты, этот неотесанный болван Гуго и замухрышка Пленси, куда-то исчезли: то ли сбежали, то ли сгинули в болоте под пиктскими топорами. Трусливые фермеры поспешно ретировались под защиту стен форта, даже не подумав спасать своего шарифа. Правда, оставался еще горе-барон, но он держался незаметно, предпочитая общество боссонских лучников.

Теперь Эллис ехала рядом, тихая и покорная. Пикты, похитившие ее отца, наверняка отступят в Долину Волчьей Пасти, говорила она. Там, ходят слухи, есть древний алтарь, на котором некогда совершались кровавые человеческие жертвоприношения. Пиктов, видимо, немного, иначе они не могли бы долго скрываться на обжитых землях. Возможно, приближается время какого-то священнодействия, и преступник, которого ищет Драган, смог убедить дикарей напасть на отряд, чтобы похитить жертву для страшного обряда, сам же надеясь поквитаться с аквилонцами и заставить их повернуть обратно.

Слова девушки казались Драгану вполне разумными. Как бы то ни было, с пиктами его люди справятся. А еще лучше приказать боссонским лучникам просто расстрелять дикарей. Конана возьмут его люди. А когда найдется шариф, живой или мертвый, он потребует у своей прекрасной союзницы плату за подвиги…

Тропа вывела их к глубокому мрачному ущелью, на дне которого шумел невидимый сверху поток. Между скалистыми стенами был перекинут веревочный мост с дощатым настилом. Скала на противоположной стороне была на добрую сотню локтей выше, и мост вел к темному отверстию тоннеля, выдолбленного в ее недрах.

— Темный Провал, — сказала Эллис, кивнув на ущелье. — На той стороне — проход, который выводит прямо в долину. Есть еще окружной путь, но он гораздо длиннее.

— А велик ли тоннель? — спросил Драган.

— Достаточно широк и высок, чтобы два всадника могли свободно ехать рядом, а тянется всего шагов на сто.

— Но там легко устроить засаду.

— Пошлите пару боссонцев на разведку.

— Нет, — сказал Драган, подумав, — я им не доверяю. Первыми пойдут мои люди.

Он отправил двоих воинов на противоположную сторону, те скрылись в проходе и вскоре показались вновь, знаками показывая, что все спокойно.

Драган приказал отряду спешиться, и, ведя коней под уздцы, аквилонцы благополучно преодолели пропасть, один за другим скрываясь в тоннеле. Боссонские стрелки угрюмо наблюдали за переправой, держа наготове луки. Рыцарь и Эллис перешли мост последними.

Воин, встретивший командира и девушку на площадке перед входом в тоннель, держал в руке зажженную ветвь.

— Темнотища там, хоть глаз выколи, и камней полно, я чуть себе ноги не переломал.

— Хорошо, — сказал Драган, — посвети нам.

— Лучше я, — попросила Эллис, — боюсь, что какая-нибудь летучая мышь крылом заденет, а факел ее отпугнет.

Рыцарь усмехнулся, вспомнив, как храбро орудовала эта девчонка своим железным ножом в его шатре. Что ж, там, в обществе сильных благородных мужчин, можно было пустить пыль в глаза, являя боссонскую спесь! Впрочем, возражать он не стал, и солдат передал факел девушке.

— Люблю огонь, — сказала она, не двигаясь с места. — А вы, месьор рыцарь?

— Бушующее пламя — лучшее зрелище для глаз на стоящего воина, — отвечал Драган, несколько растерявшись от неожиданного вопроса, — Но… что это вы делаете?!

— Поджигаю мост. Сами бы могли догадаться.

Она поднесла факел к веревочным креплениям, и те вспыхнули сухим быстрым огнем. Желтые языки побежали по перекинутым через пропасть веревкам, затрещал настил, и вскоре мост превратился в пылающую арку, перекинутую над бездной.

Драган стоял, не в силах оторвать глаз от этого удивительного зрелища. Ему показалось, что прошла вечность, хотя вздохнуть он успел не более трех раз. И только когда крепления лопнули и горящие куски настила полетели в пропасть, обернулся, вперив безумный взгляд в своих оторопевших рубак.

— Где она? — прохрипел рыцарь, судорожно сжимая эфес меча. — Где эта боссонская сука?!

Один из воинов молча указал на вход в тоннель.

— Догнать! — взревел Драган и ринулся через темный проход.

Несколько раз упав и больно ударившись о камни, он выскочил на яркий свет и обнаружил своих людей, расположившихся в ожидании под деревьями.

— Где дочь шарифа? — яростно набросился на них командир.

— Промчалась на своей белой кобыле, словно вихрь, по тропинке, — отвечал кто-то.

— В погоню!

И, спихнув с седла ближайшего воина, рыцарь галопом погнал скакуна между редких стволов.

Вскоре роща кончилась, и тропа запетляла среди скал. За одной из них обнаружилась белая лошадь Эллис, спокойно щипавшая редкую жесткую траву.

Драган натянул поводья, растерянно озираясь. Дорога дальше расширялась, и все же девушка предпочла спешиться и бросить лошадь… Куда она подевалась?

Тут рыцарь заметил нечто, заставившее его покинуть седло и наклониться к небольшому пеньку. Это был железный нож Эллис, лезвие прикололо к древесине небольшой кусок пергамента, на котором были нацарапаны несколько строк.

Драган поднес пергамент к глазам и прочел: «До встречи у пиктского алтаря, месьор. И не забудьте предать мой платок Нергалу».

Глава четырнадцатая

— И кто же поджег мост? — спросил Конан. — Я сидел на верху скалы, площадку перед входом в тоннель закрывает выступ, так что я не видел, кто это сделал, — объяснил юный Лесс- Но мост сгорел дотла и так быстро, что я не успел сосчитать до трех.

— Значит, боссонские стрелки не смогут прийти нам на помощь, — покачал головой Скурато.

— Вот и отлично! — рявкнул Гуго. — Много ли чести стрелять врагу в спину? Атакуем королевских собак с ходу и обратим в бегство!

— Это не годится, — сказал Конан, — не хочу, чтобы наши кости гнили в столь мрачном месте.

Лесс разочарованно глянул на героя Тусцелана. Очевидно, он предполагал, что бравый капитан первым вызовется нанести удар неприятелю.

— Сделаем так, — продолжил киммериец спокойно, — вы укроетесь за камнями, а я предложу Драгану решить дело поединком.

— Не стану я прятаться… — заворчал Пудолапый.

— Конан говорит разумные вещи, — оборвал его Пленси. — Если Драган согласится, киммериец его убьет, если нет, мы прикроем капитана стрелами, а потом уйдем через ущелье. Оно слишком узкое, чтобы конники могли нас преследовать.

— Должен тебя разочаровать, мой друг, — широко, словно сообщая презабавную новость, улыбнулся варвар, — из этого ущелья нет выхода.

Юный Лесс заметно побледнел, Скурато принялся яростно чесать бородавку. Лишь Гуго, избоченясь, смотрел вдаль из-под железной рукавицы с таким видом, словно жаждал поскорее увидеть сотню вооруженных до зубов воинов, загнавших их в ловушку.

И они появились. Сначала среди редких деревьев на краю долины возникло облако пыли, потом среди клубов заблестели наконечники копий и оковка щитов, показались морды лошадей, прикрытые чехлами с круглыми отверстиями для глаз, еще миг, и аквилонский отряд явился во всей своей грозной красе, накатываясь на застывших у подножия древнего святилища людей, как волны морского прибоя на берег.

Впереди, откинув забрало пернатого шлема, подняв раскрашенное белыми и красными кольцами копье, прикрывшись прямоугольным щитом с изображением оскаленной львиной морды, скакал месьор Драган, решительный и беспощадный, как Перст Возмездия.

— Вы не обязаны погибать за меня, — сказал Конан своим спутникам.

Гуго зарычал, Пленси потер нос, юный Лесс побледнел, как асгардский снег, но в сторону не отъехал.

— Тогда ждите моего знака, а до того не двигайтесь, — бросил киммериец и дал шпоры Ситцу.

Он осадил коня в двух шагах от аквилонского рыцаря, который поднял руку, приказывая своим людям остановиться.

— Месьор Драган, кажется?

— Ты не ошибся, ублюдок!

— Зачем же сразу ругаться? Где ваши рыцарские манеры?

— Остались в Аквилонии! Я вежлив только с равными, а сейчас вижу перед собой безродную крысу, которую вы курил из норы.

— Так не хочешь ли попробовать содрать с нее шкуру? Давай — только ты и я…

Аквилонец презрительно скривил губы:

— Поединок? Ну нет, я не дерусь с изменниками и трусами. Ты предательски напал на меня ночью, ты подослал своего человека, чтобы сжечь мост и отрезать боссонцев. Просчитался, мне не нужны их луки! Бесчестный трус, на что ты надеялся? Что справишься с сотней аквилонских всадников? Поистине, ты повредился в уме, если так думаешь, хотя и был когда-то среди наших военачальников. Да что я говорю: только подлый глупец мог оттолкнуть руку короля, одарившего его незаслуженными милостями. Собака, я затравлю тебя, как дикого зверя!

— Довольно бабской трескотни! — рявкнул Конан, обнажая клинок. — Дерись со мной, если ты мужчина!

Рыцарь захохотал и подал коня назад.

— Ату его! — крикнул он своим, — Мне нужна только голова варвара, тело — ваше!

Несколько воинов разом пришпорили лошадей и, наклонив копья, ринулись на киммерийца.

И тут же за его спиной возле каменного портала раздался громкий хлопок, словно выбили пробку из гигантской бочки, воздух загудел, и двое всадников покатились на землю, пронзенные насквозь огромной стрелой: Гуго пустил в ход свой осадный арбалет.

Стрела из лука Пленси угодила в грудь лошади еще одного аквилонца, свалив животное и человека.

Отбив наконечник копья, Конан разделался с третьим и, испустив яростный боевой вопль, вломился в ряды противников.

Он отлично понимал, что это его последний бой, но отступать было поздно, да и некуда. Осталась холодная ярость и только одно желание: успеть добраться до горла Драгана…

Как всегда во время битвы, голова Конана оставалась ясной, тело само делало все, что нужно: ноги сжимали бока Ситца, направляя животное, левая рука отражала клинки противников медным наручнем, правая орудовала мечом, рассекавшим шлемы и нагрудники, наносившим колющие удары под забрала и кирасы, мелькавшим, словно крылья ветряной мельницы… И в этой бешеной круговерти киммериец не упускал из виду поле боя: он видел, как прокладывает широкую улицу в рядах аквилонцев своим Трипамадором Гуго Пудолапый, как мечется среди лошадей юный Лесс, обрезая кинжалом подпруги, как Пленси Скурато с залитым кровью лицом пытается натянуть тетиву своего маленького лука… Варвар уже знал, что Гриб и мальчишка погибнут первыми, а их с Гуго прижмут к скалам и возьмут на копья…

Потом он на миг увидел склон долины, сверкающий шар, катящийся вниз, и каких-то людей, бегущих следом с каменными топорами в руках. Пикты! Откуда здесь пикты? И что это за штука, блестящая на солнце медным отливом?..

Его таки достали: острие аквилонского меча полоснуло по груди, рассекая плоть почти до ребер. Обожгло, словно плеснули кипятком, но варвар умел подавлять боль. Он отбил второй выпад противника и раскроил ему голову. В тот же миг наконечник копья пронзил шею Ситца, конь захрипел и повалился на бок, увлекая за собой седока. Конан крепко ударился головой о камень, перед глазами поплыли огненные круги, он еще успел увидеть занесенный над ним клинок, попытался поднять левую руку, чтобы прикрыться… И перестал видеть.

Глава пятнадцатая

Он летел сквозь длинную трубу, в конце которой был тусклый свет. Свет надвигался, как снежная буря, среди мелькающих хлопьев возникали и пропадали смутные лица. Они что-то неслышно шептали замерзшими губами, словно звали его к себе. Он понимал, что глаза у него закрыты и он не может их видеть, и все же они были, там, впереди, в конце узкой трубы. Потом одно из них придвинулось, бледное, со впалыми щеками, и киммериец узнал Пленси.

— Капитан! — услышал он. — Капитан!

Конан застонал и открыл глаза. Скурато сидел рядом с ним на корточках. На нем была рваная куртка, надетая прямо на голое тело, голова замотана окровавленной тряпкой.

— А, Гриб, — выдавил Конан и закашлялся. — Рад, что ты тоже здесь. Видел уже Нергала?

Скурато через силу улыбнулся:

— Зря торопишься, киммериец, мы еще живы. Хотя не знаю, надолго ли.

— Живы? — Варвар перевел взгляд на свою грудь и убедился, что она туго перевязана разорванной рубашкой Пленси. — Это самое удивительное, что я слышал за последнее время. А что, аквилонцы провалились в Нижний Мир?

— Многие уже на Серых Равнинах, другие собираются в дорогу. Мы, думаю, последние в очереди.

— Только не говори мне, что горстка пиктов, которых я успел заметить, прежде чем треснулся головой, разгромила сотню закованных в броню всадников!

— Пиктов не так уж мало, хотя они, конечно, не смогли бы одолеть аквилонцев. Их ряды разметал волк, огромный волк, покрытый медной шерстью, от которой отскакивают мечи и стрелы!

— Вот он! — услышал Конан у себя над головой бас Пудолапого. — Ох и здоровая бестия! Несется, как таран на крепостную стену… Есть! Еще трое отправились в пасть к Нергалу!

Снежная муть окончательно исчезла, глаза киммерийца приобрели прежнюю зоркость. Оглядевшись, он понял, что лежит за насыпью каменного портала, Скурато сидит рядом, а Гуго, навалившись мощным телом на чахлые кусты, озирает из-за бруствера поле боя, держа наготове свой огромный арбалет.

— Где Лесс? — поинтересовался Конан, недосчитавшись одного из бойцов своего маленького отряда.

— Ты разве не помнишь? — печально спросил Гриб.

— Что?

— Он ведь прикрыл тебя, когда ты упал. Прямо под меч бросился. Аквилонец рассек его пополам и снова замахнулся, чтобы прикончить тебя, да тут налетел волк…

— Жаль, — сказал Конан, — смелый был мальчишка.

Он поднялся на ноги, даже не покривившись от полоснувшей грудь боли, выглянул из-за земляного вала.

Каменистое дно долины было завалено трупами людей и коней. Несколько десятков аквилонских всадников в панике метались по полю, стараясь вырваться из кольца пиктов. Так, во всяком случае, Конану вначале показалось, но он быстро понял свою ошибку. Пикты вовсе не стремились сражаться с аквилонцами, они увертывались от ударов мечей,

прикрываясь плетеными щитами, а когда всадники пролетали мимо, возвращались к своему основному занятию: добивали раненых.

Ужас аквилонцев был вызван вовсе не ордой дикарей. Огромный зверь летел за ними по пятам, словно на невидимых крыльях, всякий раз отрезая дорогу к выходу из долины и заставляя поворачивать коней. Его вздыбленная шерсть блестела, как хорошо начищенные доспехи, движения были точны и стремительны, и каждый прыжок в гущу всадников, которых он сгонял вместе с ловкостью опытной пастушичьей собаки, нес смерть сразу нескольким воинам.

— Почему они дают себя убивать, словно овцы? — удивленно спросил Конан. — Аквилонцы никогда не были трусами…

— А что им еще остается, — проворчал Гуго, — они и есть овцы. Против этой твари бессильны мечи и копья. Когда чудовище прыгнуло на меня, я успел рубануть его Трипамадором, и мой славный булатный клинок переломился, словно сухая палка… Три тысячи подземных огней, эта нежить задрала моего коня!

— А что с Драганом?

— Храбрый рыцарь пытался укрыться за спинами своих воинов, но не преуспел. Мыслю, куски его тела валяются где-то там, среди прочих. Славный гуляш, однако, приготовил себе на закуску медный демон!

— Клянусь дубиной Крома, он поплатится за то, что перебежал мне дорогу и первым достал королевского прихвостня!

Пудолапый только покачал головой.

— Остуди пыл, киммериец, — сказал он, — я тоже не привык уступать поля, но если на тебя наезжает осадная башня — умереть под ее колесами не такая уж большая честь для опытного воина. Лучше подумай об отходе. Никто не скажет, что это трусость.

— Ба! — воскликнул Конан, весело оглядывая рыжего великана. — Что это с тобой, Гуго? Видать, камень из моей пращи здорово встряхнул твои мозги, если ты заговорил об отступлении! Ладно, не рычи, сейчас не время для ссоры. Лучше помолись Митре и приготовься умереть: позади нас только узкое ущелье, запертое отвесными скалами.

— Что ж, умирать так умирать, — сказал Пудолапый неожиданно спокойно. — Палица и арбалет при мне, так что еще немного повоюем. А там… Что ж, не век нам топтать эту землю.

— Вот это мне нравится, — хлопнул его по плечу варвар, — я хоть и не спешу на свидание с Нергалом, но всегда готов к этой встрече. Что это там булькает, хотел бы я знать?

Странные звуки доносились из-за опор портала, оттуда, где стояли каменные чаши. Пригнувшись, Гуго и Конан поспешили к той, что располагалась справа, и с удивлением увидели, что дно чаши медленно наполняется темной жидкостью. Пудолапый опустил в нее свою железную рукавицу, поднес к лицу и понюхал.

— Кровь, — сказал он растерянно, — разрази меня молния, это кровь…

Отчаянный крик Пленси, раздавшийся сзади, заставил их обернуться. Гриб лежал навзничь и из последних сил отбивался от навалившегося на него пикта. Каменный нож дикаря был в двух пядях от шеи следопыта.

Конан прыгнул, выхватывая из-за спины клинок, и вонзил его между лопаток нападавшего.

— Откуда он взялся? — спросил варвар, отпихивая ногой тело и помогая Скурато подняться.

— Из воздуха! — прохрипел Гриб. — Возник прямо на насыпи посреди этих нергальих ворот!

Конан снова выглянул из-за вала и убедился, что пикты продолжают справлять кровавую тризну в двух полетах копья от древней постройки. Может быть, один из дикарей незаметно подобрался сюда и…

Он не успел додумать свое предположение. Воздух между опорами портала задрожал, словно над горячим песком, и из марева возникли два полуголых дикаря. Потные тела украшала замысловатая татуировка, каменные топоры угрожающе занесены… Оба тут же упали мертвыми, пронзенные мечом варвара.

— Тень… — услышал Конан у себя над ухом испуганный всхлип Скурато. — Посмотри, киммериец, ее больше нет!

Солнце светило со стороны долины, и тень древней постройки еще недавно тянулась назад, падая на близкие скалы. Сейчас она исчезла.

— Гуго был прав, — пробормотал Конан, — в этих камнях заключена темная сила, и она проснулась. В чашах появилась кровь. Но что-то должно было разбудить чары… Кровь…

Он вдруг хлопнул себя по лбу:

— Ну конечно! Этот волк-оллах не зря устроил здесь побоище! Ему нужна свежая кровь… Гуго! Во имя Крома, Митры и наших задниц, разбей чаши!

Пудолапый не заставил себя упрашивать. Громко ухнув, он обрушил на зловещую купель свою тяжеленную палицу. Камень треснул и раскололся, темная, почти черная жидкость, булькая, потекла из разлома, быстро впитываясь в сухую землю.

Страшный рев донесся с бранного поля.

— Ага, — воскликнул киммериец, — не нравится! Круши вторую, приятель!

Прежде чем великан расколотил вторую чашу, из марева между камней выпрыгнули еще трое пиктов. Одному Конан снес голову, из второго вышиб дух крепким ударом кулака в грудь, а с третьим расправился Пленси, отомстив за свое недавнее унижение.

Как только осколки второй чаши опустели, жуткий вой повторился.

— Кажется, мы испортили ему требу, — довольно пропыхтел Гуго, снова устраиваясь за своим арбалетом. — Только поглядите, что там делается!

Среди пиктов произошло заметное смятение. Оставив в покое свои жертвы, они сгрудились посреди долины, яростно размахивая топорами и указывая в сторону древнего Святилища. Потом, повинуясь неслышной команде, ринулись вперед…

— Эй, Скурато, ты видишь волка? — спросил Пудолапый.

— Нет. Только, сдается мне, нам хватит и этой орды. Их десятка три…

В это время где-то на краю долины, среди деревьев, протрубил боевой рог.

Глава шестнадцатая

— Боссонцы! — радостно завопил Пленси. — Это сигнальщик Нунца!

— Видать, Гарчибальд уговорил-таки его идти нам на помощь, — пробасил Пудолапый с явным облегчением. — Но как они преодолели Темный Провал? Не иначе, барон научился летать по воздуху и остальных перетащил.

Чтобы лучше видеть, Конан взобрался на насыпь. Орда дикарей остановила свой бег и неуверенно топталась в полете стрелы от портала. Вдали виднелась цепочка боссонских стрелков, идущих вперед с луками на изготовку, а к ним, ища спасения, во весь опор мчались десятка два уцелевших аквилонских всадников.

Если стрелки Нунца, вняв уговорам Беспалого, и подоспели на помощь следопытам и Конану, желая встать между ними и посланцами короля, то, завидев пиктов, боссонцы мигом позабыли о междоусобных распрях: пикты были общим врагом, коварным и безжалостным, заставляющим вспомнить, что Боссонские Топи все же форпост Аквилонии, и долг каждого жителя Свободных Земель — сражаться с дикарями до последней капли крови. Поэтому лучники дали залп поверх голов остатков отряда Драгана и, расступившись, пропустили всадников за свои спины.

Залп был весьма успешным: тяжелые стрелы легко пробивали плетеные щиты, и с десяток пиктов упали на землю.

— Вперед! — гаркнул Пудолапый. — Посчитаем им черепушки!

И вдруг осекся.

Дикари расступились, из-за их спин вылетел медношерстый волк и огромными прыжками помчался к порталу.

— Назад, киммериец! — завопил Пленси. — Его не взять мечом!

Конан по-прежнему стоял на валу, сжимая в руке клинок. Мускулы варвара напряглись, ноги слегка согнулись в коленях — он неотрывно следил за приближающимся чудовищем, готовясь к схватке.

Два прыжка отделяло зверя от камней, когда Пудолапый выстрелил. Огромная стрела осадного арбалета ударила в грудь волка и… переломилась. Удар все же сбил оллаха с ног: яростно воя, демон упал на спину, но тут же вскочил, отряхиваясь по-собачьи и мотая огромной головой. Оскалив длинные, словно кинжалы, зубы, он снова прыгнул — киммериец напрягся, готовясь ударить в разинутую пасть, — но тут стремительно мелькнувший белый комок ударил в бок оллаха, и, сплетясь в клубок, два существа покатились по земле, поднимая клубы пыли…

Побывав в сотне сражений, Конан вовсе не считал отступление чем-то позорным: нет, ему случалось не только отступать, но и попросту уносить ноги. Киммериец до последнего не верил, что оллаха, свалившегося невесть откуда на их головы, не взять обычным оружием, но, увидев собственными глазами, как переломилась тяжелая, окованная железом стрела осадного арбалета, он решил, что настала пора положиться на собственную резвость и постараться спрятаться в ущелье, пока не подоспеют боссонские лучники. Демон не атаковал их ряды, возможно, оллах не так неуязвим, как кажется… Это была призрачная, но все же надежда.

Спрыгнув с насыпи, Конан велел Пудолапому и Пленси бежать за ним и со всех ног пустился к узкой горловине ущелья.

— Ты видел? — выдохнул на бегу Скурато. — Еще один, клянусь пятками Иштар!

— Кто?

— Да волчара! Белый, скакнул на медношерстого, свалил и был таков… О Митра, вот он!

Они уже углубились в ущелье на полусотню шагов. Отвесные каменные стены вздымались по сторонам, бросая на дно холодную густую тень. Под ногами хрустел гравий и мелкие кости каких-то животных. Конан глянул вперед, куда указывал Пленси, и увидел сидевшего на большом валуне белого волка.

— Кром, — пробормотал варвар, останавливаясь, — я его знаю. Это тот самый, что крутился возле Белого Уха. Э, да он ранен!

Зверь держал на весу левую переднюю лапу, на белой шерсти отчетливо виднелось красное пятно. Пленси поднял лук, но киммериец толкнул его в руку, заставив опустить оружие.

— Кажется, эта зверюга недолюбливает меднолобого оллаха. Пока не стреляй, но будь наготове.

Белый волк слегка ощерил пасть, словно улыбнулся, потом спрыгнул с камня и, прихрамывая, затрусил в глубь ущелья. Конан, Пленси и Гуго осторожно последовали за ним.

Вскоре путь им преградила отвесная стена.

— Все, — сказал киммериец, — дальше хода нет.

— Тогда куда девался волк? — спросил Гуго.

В самом деле: зверя нигде видно не было.

— Под скалу он девался, — сказал зоркий Гриб, — я только что видел белый хвост вон в той дыре.

— Нет там никакой дыры, — буркнул Конан, — мы с Катлем здесь все облазили: тупик.

И все же в основании скалы обнаружился узкий лаз. Щуплый Скурато легко в него проскользнул, а вот Гуго застрял сразу и основательно. Конан посоветовал Пудолапому снять доспехи, на что тот зарычал и заявил, что лучше достанется на закуску оллаху, чем лишится последнего своего достояния.

— Шлем помяли, — ворчал здоровяк, с трудом выбираясь задом из-под камней, — Трипамадор мой славный на куски разломился, так теперь я еще и доспех брось. Вот ежели бы ты, киммериец, для меня головы не пожалел, да я бы за нее сундук золота огреб, тогда конечно…

Пока он рассуждал таким образом, между отвесных стен ущелья прокатился жуткий рев, полный слепой ярости.

— Если ты не перестанешь дурить, мешок с требухой, — зло бросил варвар, — обе наши головы окажутся в пасти у демона. Давай, разоблачайся и лезь вперед. Потом свое железо заберешь, не век же эта бестия будет здесь околачиваться!

Гуго внял здравому слову, скинул кольчугу и нагрудник и, захватив палицу, со страшными ругательствами скрылся в узком лазе. Варвар последовал за Пудолапым, и вскоре они оказались по другую сторону скалы, где изнывал в ожидании Гриб.

Лаз выходил к основанию каменной осыпи, взбегавшей вверх между крутых склонов и терявшейся за их поворотом. Очевидно, некогда это был конец ущелья, перегороженного впоследствии рухнувшим обломком скалы. Здесь было солнечно, на склонах кое-где росли небольшие деревца.

— А что, братия, — прогудел Пудолапый, оглядываясь, — жить стало веселее! Одно

меня гложет: не зря ли мы так поспешно уступили поле оллаху? Глядишь, тресни его посильнее в медную башку…

Страшный грохот прервал его речь: по скале побежали трещины, и из расширившейся дыры в ее основании показалась голова демона. Зеленые немигающие глаза уставились на людей.

— Вот и тресни… — охнул Пленси.

Гуго без долгих рассуждений метнул палицу. Она ударилась в медный лоб и отскочила, словно орех от стены. Оллах коротко рыкнул и полез наружу.

Теперь он медлил, наступая: поводил головой из стороны в сторону и, похоже, принюхивался. Гуго, оказавшийся безоружным, и Гриб со своим бесполезным луком карабкались вверх по осыпи, бормоча молитвы вперемежку с ругательствами. Конан прикрывал отступление: он пятился, стараясь не поворачиваться к оллаху спиной, сжимая в руке меч.

Огромный зверь прыгнул. Киммериец точно рассчитал удар и вонзил клинок в оскаленную пасть. Лезвие со звоном переломилось, сильный удар бросил варвара на землю, резкая боль в груди на миг лишила зрения…

Вскочив на ноги, он понял, что оказался позади оллаха, и увидел Бэду Катля, спускавшегося по осыпи навстречу чудовищу. Пленси и Гуго что-то кричали ему, размахивая руками. В голове Конана все еще стоял гул от удара, слов их он не слышал, но понял, что следопыты предостерегают Катля от бессмысленной схватки.

Бэда продолжал спускаться, сжимая в руке длинный тяжелый хассак.

«Жаль, — успел подумать киммериец, — промахнется. А если и не промахнется, все равно погибнет».

Он поискал глазами камень поувесистей, но осыпь была мелкая, ничего подходящего не обнаружилось.

Демон яростно взвыл и бросился на человека.

Катль метнул нож.

Оллах перевернулся в воздухе и тяжело рухнул на щебень. Скалы вздрогнули, с деревьев на склонах посыпались листья. Белые сполохи объяли тело чудовища, стремительно меняющее очертания…

Когда Конан подошел ближе, он увидел на камнях скорчившегося голого старика. Спина и грудь его были густо покрыты татуировками, а вместо левой половины лица темнела кровавая каша: хассак Катля вошел в глазницу по самую рукоять. И все же киммериец узнал убитого.

— Вот так бросок! — услышал он восторженный бас Гуго, — Ты, парень, врал, когда говорил, что разучился метать ножи. Ну, да я сам бы всадил стрелу в глаз оборотня, знай его уязвимое место. И кто сей ничтожный стручок, нагнавший на нас столько страха?

— Это Белое Ухо, — сказал Конан, — пиктский колдун.

— А ты, верно, ожидал увидеть на его месте меня? — раздался сверху знакомый голос.

По осыпи неторопливо спускался шариф Партер. Рядом шла Эллис — босая, в разорванном платье, с исцарапанным лицом, на котором играла победная улыбка.

Глава семнадцатая

И все же, парень, признайся, что ты — оборотень, — сказал Гуго Пудолапый, осушив до дна полуведерную чашу. — Не оллах, конечно, но волколак — точно. Обернулся белым волчарой и подставил нас как приманку для колдуна. Я прав?

Бэда молча улыбнулся и откусил добрый кусок чесночной колбасы.

— Это ничего не доказывает, — проворчал Гуго, — видать, и оборотни научились чеснока не бояться.

— А кольца Иштар? — спросил Пленси.

— Да иди ты со своими кольцами…

Гриб только хмыкнул и занялся куриной ножкой.

В гостиной тарифа уютно потрескивал камин, стол был уставлен блюдами с разнообразной снедью, бутылками, кувшинами и разномастными кружками. Праздновали победу над силами тьмы, над пиктской волшбой, пили во здравие хозяина, за честь боссонского оружия и даже за здоровье аквилонского короля.

— Не стоит, почтенный Гуго, строить беспочвенные предположения, — заметил Партер, утирая усы платком, — истинный оллах мертв, и убил его Бэда Катль. Он исполнил данное мне обещание отыскать настоящего оборотня и покончить с этим исчадием тьмы. И если Бэда простит мне коварство, вызванное, замечу, исключительно радением об общественных интересах, я сдержу слово и отдам за него дочь.

Эллис, сидевшая рядом с отцом, улыбнулась.

Бэда почтительно склонил голову: он уже обо всем договорился с тарифом и все еще не мог прийти в себя от суммы, назначенной в приданое племяннице дядей-виконтом. Пожалуй, о ферме придется забыть. Пожалуй, на такие деньги достойнее построить замок где-нибудь в Западной Марке…

— Мы с удовольствием погуляем на свадьбе, если нас пригласят, — заговорил Гарчибальд Беспалый светским тоном, — но все же хотелось бы узнать поподробней об этом колдуне-оллахе и его коварных замыслах. Чего он все-таки добивался, столь упорно стараясь заманить аквилонский отряд в Долину Волчьей Пасти?

— А я думал, это мы хотели поколотить там королевских ищеек, — проворчал киммериец.

— Ваши цели совпали, и колдун воспользовался этим, — сказал шариф. — Ему нужно было напитать землю долины кровью, дабы наполнились чаши древнего Святилища и свершился древний магический обряд, открывающий ворота, через которые могли пройти орды пиктов. Здесь, в болотах, скрывались лишь их лазутчики, а основные силы ждали наготове далеко за Черной рекой. Магические врата, видимо, есть и там, и мне страшно подумать, что могло бы случиться, если бы почтенный Гуго вовремя не разбил чаши.

Пудолапый польщено хмыкнул, не став уточнять, что мысль эта первой пришла в голову Конану.

— А зачем понадобилось устраивать ночное нападение? — спросил Пленси.

— Чтобы похитить меня и Эллис, конечно! Митра Всемилостивый, до сих пор холодный пот прошибает, как вспомню себя на спине этого чудовища… Белахместрикс, известный вам под именем Белое Ухо, был настоящим оллахом и умел оборачиваться кем угодно по своему желанию, хотя и предпочитал облик медношерстого волка. В подобном обличье он был

неуязвим, если не считать глаз, чем и воспользовался наш спаситель Катль в поединке с оборотнем. Укрыв меня в тайном убежище за рухнувшей скалой (тут шариф потер запястья, на которых еще виднелись следы веревок), сей пособник темных сил, угрожая со мной расправиться, велел Эллис отправиться к аквилонцам, провести их через Темный Провал и сжечь мост.

— Но зачем? — спросил барон.

— Чтобы отрезать боссонских лучников! Наши стрелки столь искусны, что могли всадить ему стрелу в глаз с безопасного расстояния. И когда люди Нунца появились в долине, Белахместрикс понял, что пора уносить ноги…

— И атаковал нас, — проворчал Гуго. — Кстати, Беспалый, как вам удалось перебраться через пропасть? Или ты тоже не чужд колдовства и умеешь летать по воздуху?

— Мнительный ты что-то стал, Пудолапый, — усмехнулся барон. — Должен тебя разочаровать: колдовство здесь ни при чем. Для этого понадобилось всего две веревки с грузилами на конце, чтобы захлестнуть за дерево на противоположном берегу ущелья: одна выше, другая ниже. Держась руками за первую, по второй можно перейти через пропасть, если, конечно, соблюдать осторожность и не торопиться.

— Не торопиться! Да нас чуть не сожрала эта бестия, и, если бы не белый волк, взявшийся невесть откуда, словно в сказке, так бы и случилось…

— Кстати, месьоры, о сказках, — подала тут голос молчавшая до сих пор Эллис, — хотите расскажу одну, весьма занятную?

Шариф нервно заерзал и положил руку на плечо дочери:

— Уже поздно, дорогая, все устали. Пора и на покой…

— Еще не все выпито и не все съедено, — перебил его Конан, с любопытством поглядывая на девушку, — почему не послушать занимательную историю?

— Волшебную историю, — улыбнулась Эллис, — и совершенно невероятную. Слушайте. Случилось так, что в одном городе на краю земли жила некая девица, весьма пригожая собой, но своенравная и непочтительная к родителям. Она любила разгуливать по лесам в сопровождении лишь одного слуги и, конечно, попала в переплет. И спас ее некий юноша, приглянувшийся ей не столько красотой лица, сколько смелостью и независимостью нрава. Но вот беда: отец девушки был против их брака и сделал так, что юноша сей надолго исчез в дальних горах.

И тогда наша девица, желая отомстить отцу, сбежала из дома. Долго ли, коротко ли, набрела она на тайное убежище одного колдуна. То был безобидный с виду старичок, более всего любивший попивать винцо, греясь на солнышке. Он выслушал и обласкал девушку, и научил ее разным забавным штукам…

— Кхм, кхм, — шариф многозначительно покашлял и погрозил Эллис пальцем. — Ты, кажется, забываешь, что у нас в гостях прославленные суровые воины, повидавшие всякого на своем веку. Зачем тешить их детскими выдумками?

— Нет, отчего же, — сказал барон, — очень интересно.

— Каким таким штукам? — спросил Гуго, насупившись.

— Ну, например, кувыркаться через пень, в который воткнут железный нож с древними рунами на клинке, — продолжала Эллис- Девушке очень это нравилось, и она убегала в лес на каждое полнолуние. А отец, конечно, беспокоился. И даже выписал из одной южной страны лекаря, который обещал отучать девицу от пагубного пристрастна своими микстурами. Кстати, забегая вперед, скажу, что лекарь преуспел и отбыл домой с полной

сумкой золота.

Одна беда: старик-колдун вовсе не был столь Безобиден, как прикидывался. Однажды среди холмов он обнаружил раненого воина, спасавшегося от погони, и оказал ему помощь. Не от чистого сердца, а по коварному расчету: умея заглядывать в будущее, колдун знал, что сей беглец, оклеветанный врагами перед лицом своего покровителя, послужит приманкой целому воинству, которое, себе на погибель, отправится в заколдованное место, чтобы напитать кровью сухую землю…

Но и колдун оказался не всеведущ: он не учел, что девушка, бывшая тогда при нем, тоже видела воина, и сердце ее больше не могло биться ровно. Нет, она не отказалась от своего суженого, но в роковое полнолуние последний раз воткнула в пень волшебный нож, чтобы прийти на помощь тому, чей образ неотступно преследовал ее во снах…

Теперь с этим покончено, и сказка близится к счастливому концу: впереди свадебный пир на две седмицы и никаких превращений!

Стало тихо, только потрескивал огонь в масляных лампах да выл за окнами ветер — шальной ветер Боссонских Топей.

— Забавная история, — нарушил молчание Пудолапый, потянувшись за очередной кружкой, — хотя я мало чего понял. Ну, колдун, ясно, пикт, Белое Ухо или как там его, раненый воин — Конан, девушка — сама Эллис… Но что это за белый волк, напавший на оллаха и показавший нам лаз под скалой, Нергал меня задери?

— Волчица, — сказал киммериец, — это белая волчица, Гуго.

Следопыт непонимающе уставился на варвара. Потом хлопнул себя по лбу.

— Ну конечно! — воскликнул он. — Так, значит…

— Значит, что история наша подошла к концу, — прервала его Эллис. — И не забывайте, месьоры, что это всего лишь сказка.

Она улыбнулась и легко тронула тонкими пальцами тугую повязку на своей левой руке.